

Сергей Аронин
«ТИХИЙ ДОН КИХОТ»

*Постмодернистская фантазия по впечатлениям
от романа М. Сервантеса «Дон Кихот» в 2-х действиях*

Действующие лица

ДОН КИХОТ, сумасшедший идалго
САНЧО ПАНСА, его оруженосец
ДУЛЬСИНЕЯ, возлюбленная Дон Кихота
АНТОНИЯ, племянница Дон Кихота
КЛЮЧНИЦА, экономка
ПЕРЕС, сельский священник
НИКОЛАС, цирюльник
ПРОСПЕРО, сосед
ФРАНЦИСКА, соседка, жена Просперо
САМСОН, сосед, бакалавр
QUIJOTE, еще один Дон Кихот

АКТ I.

I. БОЛЬШОЙ УЧЕНЫЙ.

КЛЮЧНИЦА: Сеньор Карраско, наконец-то вы снова с нами! Сеньор Алонсо помешался и прочит нам многие горести. Туманом объят его разум, головокружение от прочитанного затмило здравый смысл его речи. Книжки мелькают страницами перед его глазами, он на грани! Где вы были, Самсон, где вы были эти долгие 4 года? Быть беде, Самсон, быть беде!

САМСОН: Сеньора Ключница, я рад снова оказаться в родных краях; да возвратятся ушедшие в свой дом, да воспрянут радостью все, кто встретится им на пути! Что вам о себе сказать, сеньора? 2 ученые степени, университетская камиллавка в Саламанке, магистратура в Толедо, стажировка в Мадриде, наконец...

КЛЮЧНИЦА: Самсон... Вы большой ученый... Я и не предполагала, мы не предполагали... Я помню вас в гимназии, когда вы еще не выдержали экзамен по богословию у сеньора Джеронимо. Вас тогда вывели во двор, и на глазах у всего класса...

САМСОН: Оставим прошлое, сеньора Ключница.

КЛЮЧНИЦА: Ну что вы, Самсон... То есть – сеньор Карраско, сеньор бакалавр.

САМСОН: Магистр!

КЛЮЧНИЦА: Сеньор магистр. Вас уже ожидают сеньоры Педро Перес, Николас, сеньора Антония... Вы помните Антонию, Самсон? Клянусь вам, ни в один из дней солнце не заходит за горизонт, не услышав из уст Антонии упоминания о вас.

САМСОН: Я тронут и польщен, сеньора Ключница, но сеньор Алонсо Кихано... Что с ним? Из вашей слабоартикулированной речи мне мало что удалось понять!

КЛЮЧНИЦА: Из какой речи? Ой, до чего вы стали ученый человек, Самсон... Пойдемте, вы все увидите сами.

II. СТРАШНЫЙ СОН ДОН КИХОТА.

ДОН КИХОТ: Вот он перед нами – одомашненный мир неизменных ручьев, вечно зеленых лугов и приветливых лесов, все скроено по человеческой мерке, или, как им кажется,

усовершенствовано человеком. Хороший пример безжизненного, искусственного и шаблонного мира – это мир людей с его многоголосым хором птиц, радостными песнями приветствующих восход, с ухоженными садиками и стриженными словно пудели кустами; но если отвлечься, то можно увидеть или представить себе что-нибудь другое – дикие, суровые, выжженные солнцем, заочневшие, иссушенные, темно-бурые горы Испании. Но пока этого нет, и я один среди врагов. Вот они передо мной – гиганты и злые волшебники; и какая же нелепая неподвижность заключена в их вечном существовании...

Дон Кихоту видится, что все сидят, как на совете директоров.

ПЕРЕС: Друзья мои, у нас на повестке дня два вопроса, взаимопроникающие друг в друга.

НИКОЛАС: То есть вопросов больше, но взаимопроникают только два.

АНТОНИЯ: Для начала давайте поприветствуем сеньора Карраско, вернувшегося к нам из Саламандры.

САМСОН: Из Саламанки, Антония. *(Все приветствуют Самсона.)*

ПЕРЕС: Первый вопрос связан с помешательством сеньора Алонсо Кихано. Второй вопрос, маэсе Николас....

НИКОЛАС: Второй вопрос связан с переосмыслением культурно-географической идентичности нашего населенного пункта. Наши предложения, сеньора Франциска.

ФРАНЦИСКА: Наш проект, учитывая территориальное сходство и культурный контекст, а также применяя современные технологии в области привлечения целевой аудитории, называется «Новая Ла-Манча». Сеньор Просперо...

ПРОСПЕРО: В инфраструктуру Новой Ла-Манчи входят искусственные скалы и ущелья, дворец Герцога и Остров Баратария, цирюльня маэсе Николаса и просветительский клуб Переса, постоянный двор сеньоры Ключницы и оздоровительный центр сеньоры Антонии.

ПЕРЕС: Новая Ла-Манча не только должна привлечь путешественников со всего мира, но и стать комфортным местом пребывания сеньора Алонсо Кихано, чьи мелкие шалости опять-таки будут привлекать аудиторию. Круг замкнется! Сеньора Антония...

АНТОНИЯ: Голосуем за Новую Ла-Манчу!

ДОН КИХОТ: О, благословенны счастливые времена, не знавшие чудовищной ярости этих сатанинских огнестрельных орудий, этих бурь, возвышающих одних людей над другими, этих тлетворных мыслей, тянущих за собою недолговечное горе. О, наконец-то судьба осчастливила меня встречей с вами, мои кровные враги. Выходите сюда, не прячьтесь в тени! Ваши чары надо мной бессильны, я узнаю вас: ты – лукавый волшебник Фристон, ты – очарованный дон Ролдан, ты – великан Куркулиамбро, а ты – злой великан Бриарей. Выходите на бой со мной! Немедленно!

III. НЕПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ.

АНТОНИЯ: Ну что вы, сеньор, опомнитесь, это же наш сосед – сеньор Карраско – он теперь балаклавр.

КЛЮЧНИЦА: Бакалавр.

САМСОН: Магистр!

АНТОНИЯ: А это вовсе не гиганты, а ваши друзья: сеньор Педро Перес – лицейцитат.

ПЕРЕС: Лицензиат, Антония.

АНТОНИЯ: А это цирюльник, сеньор Николсон.

НИКОЛАС: Николас, Антония.

КЛЮЧНИЦА: А это наша краса и гордость, сеньора Антония. Ну, сеньор Кихано, посмотрите же вокруг, где вы видите гигантов и злодеев? Ну ей-богу, начитались какой-то романтической,

вредной, безнравственной, прости-Господи, литературы... Ну правда, я прочитала одну книжку про рыцаря и Прекрасную даму, там такое... что стыдно сказать!

АНТОНИЯ: Это что же там происходит?

КЛЮЧНИЦА: Не важно, Антония, потом расскажу, не в этом дело. (*Дон Кихот*) Ну хватит вам витать в облаках! Ну в самом деле, сколько уже можно вот так целыми днями бессмысленно грезить, строить воздушные замки, считать, понимаете ли, ворон, или звезды... парить, это самое, в эмпиреях... На каком основании? С чем это сообразно, я вас спрашиваю? По какому праву, видите ли, вы возомнили себя... тем, кем возомнили?

ПЕРЕС: В самом деле, сеньор Кихано... Правда, сеньор Николас?

НИКОЛАС: Совершенно с вами согласен, сеньор Перес!

ДОН КИХОТ: Ну что же, друзья, я отвечу вам. Если вы не замечаете вокруг себя гигантов и злых волшебников – это же не значит, что их не существует вовсе? И разве можно формулировать упрек тому, кто видит глубже поверхности? К примеру сказать, Антония, неужели для того, чтобы вы посчитали меня здравомыслящим, я должен вам указать на ваши носогубные складки и грыжевые мешки под глазами со слабой гидратацией кожи? Неужели, чтобы заслужить ваше уважение, необходимо порекомендовать вам биоревитализацию или сразу контурную пластику? Только поможет ли это? (*Антония, сильно обидевшись, уходит.*) Я имел в виду – поможет ли это мне, если я ей посоветую? (*Ключница порывается уйти вслед за Антонией, но Дон Кихот преграждает ей путь.*)

КЛЮЧНИЦА: Да что же это такое? Ни в какие ворота, так сказать! Выше крыши уже!

ДОН КИХОТ: А вам, сеньора Ключница, что мне вам ответить?

Я ранен и разменян на монеты,
Об этом не хочу распространяться,
Сюжетам этим, пожалуй, лучше в нотах отозваться –
В три четверти, негромко, в ми-миноре...
А тем, кто, появляясь в коридоре,
Звенит бокалами, не наполняя душу,
Удачи пожелать, и верить, верить,
Что не спугнут они и не нарушат
Гармонию несмелого рефрена...
Другие темы дня. (*Ключница смущенная уходит.*)

IV. ВДАЛИ ОТ ПЫШНЫХ РОЗ.

САМСОН: Браво, сеньор Кихано!

ДОН КИХОТ: Ну вот теперь, как говорится, вдали от пышных роз, в сугубо мужском обществе... (*Франциска видит, что в ней не признали женщину, и скромно, но очень заметно, начинает выходить.*)

ПРОСПЕРО (растерянно идет вслед за Франциской): Я тоже, наверное, пойду, что я тут буду глаза мазью мазать вам...

ФРАНЦИСКА: Ты хотел сказать – глаза мозолить.

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да, и штаны мозолить, ой – то есть – штаны протирать. (*Франциска и Просперо уходят.*)

ДОН КИХОТ: Ну что же, сеньор Карраско, давайте выпьем за ваш приезд. Сеньоры! Да что же это? Разве такое вино годится для торжественных приемов? Маэсе Николас, вы, кажется, тоже усомнились в моем рассудке?

НИКОЛАС: Помилуйте, сеньор Кихано, зачем мне в чем-то усомневаться? Я добрющий, как... глаза лемура... Сеньор Перес, вы когда-нибудь видели лемура?

ДОН КИХОТ: И тем не менее, маэсе Николас, я и вам предоставлю одну загадку. А вы, сеньор Карраско, будете свидетелем (*уходит, забрав с собой бутылку вина*).

САМСОН: Что здесь происходит? Я не успел прибыть, а меня уже втягивают в интриги.

ПЕРЕС: У нас давно беспокойно – с тех пор, как сеньор Кихано вообразил себя странствующим рыцарем, каждый день наш полон тайн, загадок, игр и разоблачений.

САМСОН: На какой же почве он помешался?

ПЕРЕС: На нашей, на датской, как там говорится у классика, – помните?

САМСОН: Конечно, это Шекспир – «Гамлет».

НИКОЛАС: А я думал, что это Сервантес.

ПЕРЕС: Но дело в том, что спроси вас об этом сеньор Кихано, и не дайте вы правильного ответа, – так он наречет вас великаном Фьердербрасом или злым волшебником Хренстоном – и будет считать вас своим врагом, вон – как Николаса.

НИКОЛАС: Да я вообще котенка боюсь в руки взять, чтобы не раздавить, ну кому я могу быть врагом?

ДОН КИХОТ (возвращается с двумя бутылками вина, идентичными на вид): Вот смотрите, сеньоры, и вы, маэсе Николас. Это – ваша бутылка вина. Провинция Торо! Самый жаркий регион Испании, среднегодовая температура составляет 26 градусов. В таких условиях виноград не просто созревает, он вызревает. Его, конечно, собирают вручную... Потом будущее вино проводит 12 месяцев в дубе, где его пытаются смягчить, но это не всем удается; и еще от 3 до 6 месяцев в бутылке. Но у вина все равно остается большая плотность, высокое содержание сахара, и, следовательно, высокая крепость – 14-16 % спирта (*Наливает всем, подходит к Самсону, тот пробует, потом выпивает бокал*). Такое вино пить довольно-таки тяжело, не правда ли? Его нужно либо пить с мясом в ресторане, либо пить маленькими глотками и медитировать... (*Открывает свою бутылку*). А это моя бутылка, маэсе Николас, и я предпочитаю пить из нее. В лирические дни бульварного отчаяния в ней оказывается джин-тоник, или ром; в дни эмоциональных начинаний – граппа, или портвейн; в дни духовного поиска – коньячок «Апшерон» или виски с лимонадиком; и только в дни глубоких заблуждений – водка или пиво. Как вы думаете, что сегодня в этой бутылке?

НИКОЛАС: Не знаю... Быть может виски с лимонадиком?

ДОН КИХОТ: Ну же, я вас прошу, определите, не сделав ни одного глотка.

НИКОЛАС: Но я не умею, право, сеньор Кихано...

ДОН КИХОТ: Но это же так же просто, как судить людей – назовите навскидку какой-нибудь известный вам напиток и придайте своему лицу выражение знатока.

НИКОЛАС: Ничего не выйдет, я не знаток, и вы в этом явно лучше разбираетесь. Мне не обойти вас на этом поприще.

ДОН КИХОТ: Вот видите, с какой грязью вы меня смешали... Вы думаете, что вам известен мой вкус, вы будто бы знаете, насколько я забродил или нет, вы якобы в курсе, с чем меня употреблять, и каким образом получить от меня удовольствие... А эта бутылка нарочно провоцирует на угадывание ее содержимого, но вы отступаете! Что ж вы думаете, я проще устроен, чем эта брусничная настойка? Назовите меня каким угодно напитком, вы можете меня вылить или дать мне скиснуть, но дегустировать и разбавлять меня нельзя!

НИКОЛАС: Сеньоры, становится сыро, пойду я... Сеньор Карраско, я, может быть, ничего не понимаю или сошел с ума, но мне 55 лет, и мне эта загадка понравилась... Вот только знаете, сеньор Кихано, вино и табак – они как-то обезличивают. Выпейте лучше валериановых капель... И вообще – как все нервны... (*уходит*)

ПЕРЕС: Пойдите, маэсе Николас, я провожу вас до перекрестка (*забирает с собой бутылку вина*), заодно посмотрим, можно ли пить это вино, не медитируя.

V. ВРАГИ.

САМСОН: Сеньор Кихано, bravo! Не успел я войти в дом, как вместо приветствий на меня посыпались беспокойства о вашей персоне, но вы... выше всяких похвал.

ДОН КИХОТ: Я рад вас видеть, любезный Самсон! Знаете, здесь же совсем не с кем порефлексировать...

САМСОН: Вы имеете в виду – с кем говорить...

ДОН КИХОТ: Нет, говорить – сколько угодно, а вот тосковать не с кем, вспоминать...

САМСОН: Что вспоминать?

ДОН КИХОТ: Ну вот вы, к примеру, вы же помните, как вы ели муравьев в детском саду – помните; вам было 5 лет, мне 4, и вы меня учили – вы брали муравья, приговаривали: «ах ты, вредный муравей, я гигант, я тебя съем» – и ели, помните?

САМСОН (смутившись): Припоминаю, конечно, хотя и с трудом...

ДОН КИХОТ: Или еще помните – вы меня учили, что, когда выпадает снег, нужно из снега налепить снежных пирожков, и тоже – съесть их!

САМСОН (смеется): Вряд ли это был я...

ДОН КИХОТ: Вы-вы, а кроме вас и некому... И чему вы учились в Саламанке?

САМСОН: Социология, филология и философия.

ДОН КИХОТ: И что вы думаете про кризис идентичности и теорию глокализации?

САМСОН: Вы уверены, что именно об этом хотели говорить со мной, сеньор Кихано?

ДОН КИХОТ: Вы даже не можете себе представить, насколько. Я ждал вас, и этой встречи.

САМСОН: Извольте: современная ситуация в гуманитарном знании не ограничивается выявлением основной парадигмы и ее характерных особенностей; напротив – возникает множество новых теорий и подходов, в том числе и те, которых вы упомянули, но все это всего лишь разные взгляды на проблемы одной и той же культуры. Идентичность по Хантингтону – «смысл себя», она бывает коллективная, национальная и т.д., бывает даже плюрализация идентичности (то есть одновременная причастность субъекта к различным группам). Кризис идентичности возникает тогда, когда индивид стоит перед задачей выбора между альтернативными решениями.

ДОН КИХОТ: Нет-нет, объясните мне – не заслуженному, не деятелю, не доктору – что вы сами по этому поводу думаете? И, да, мой напиток вам в помощь!

САМСОН (выпивает): Да по-моему, все это чушь, все это вы себе придумали, все это внешняя дребедень на уровне игры в буриме. Культ индивидуализма размывает ценности и разобщает людей. Вот вам и глокализация – дескать, глобальная локализация!

ДОН КИХОТ (у него кружится голова): Ну уж нет, Самсон, тут я с вами не соглашусь. Подобно тому, как одна идея обрастает кристаллами поддержки, словно ниточка в стакане воды с солью; подобно этому, возможно, и общество могло бы объединиться вокруг чего-то великого и благородного, но, поскольку это не так и так далее, и ничего возвышенного нет в моей голове, как говорится, то вот мы сами и топчем множество мечт, разбросанных по тротуару обыденности, как реагент, разъедающий подошву обуви.

САМСОН (выпивает еще): Я вас понимаю... На улице сыро... И мир уже не тот... Не выходи из комнаты – на улице, чай, не Франция... И вы, сеньор, – никакой не сеньор, и прекрасно знаете это... И я, слава Богу, обычный доцент кафедры социальной и общей психологии факультета социальной медицины и адаптивно-реабилитационных технологий... Ну, да что уж тут лукавить, гармония, йога, кастаньеда – это ведь тоже не помогает... хоровое пение, курсы иностранного языка и абонемент в фитнес-клуб, уроки вязания и оригами, ораторское искусство и стрип-пластика, курсы сомелье и кунг-фу, пейнтбол, боулинг, бильярд, караоке... Разве это кому-нибудь помогает вырваться за рамки? Во всем мне хочется дойти до самой сути... В работе, в поисках пути, в сердечной смуте...

ДОН КИХОТ: Это Пастернак!

САМСОН: Да, Пастернак! Но что касается сердечной смуты – есть ли ей сейчас место? Где они все теперь – Прекрасные дамы? Сгинули за невостребованностью?

ДОН КИХОТ (будто бы очнулся): О нет, как вы неправы! Принцессы никуда не девались! Точно вам говорю! Никуда! Они повсюду!

САМСОН: Где?

ДОН КИХОТ: Повсюду! Вокруг нас! И знаете что? Рыцари тоже никуда не исчезли! Я один из них! Более того – я последний странствующий рыцарь Железного Века! И это не эскапизм и не глокализация! Это моя миссия, моя стратегия, мой катехизис! Я всю жизнь намерен биться с гигантами ради спасения и завоевания сердца моей Прекрасной дамы!

САМСОН: Вот насчет Прекрасной дамы... Вы не находите, что сеньора Антония очень похорошела? Фасад ее, так сказать... два, как у нас говорят, высших образования...

ДОН КИХОТ: У нее незаконченное высшее.

САМСОН: Да я не это имею в виду... Я к тому, что она... как бы это сказать... Ну вы-то уже, я думаю, успели ей спинку потереть! А?

ДОН КИХОТ: Нет, зачем мне? В крайнем случае, есть сеньора Ключница... Да что это, сеньор Карраско? Что это вы себе позволяете? Как вы смеете?

САМСОН: Что с вами, сеньор Рыцарь?

ДОН КИХОТ: Я должен вызвать вас на дуэль! Я не потерплю оскорбления прекрасного пола у себя в доме! Хотя...

САМСОН: Что такое?

ДОН КИХОТ: Ведь мы оба понимаем, что время дуэлей прошло! Это во-первых, к тому ж вы гость, я должен дверь стеречь от нападения, а не подкрадываться к ней с ножом...

САМСОН: Это Шекспир – «Макбет»!

ДОН КИХОТ: МакБет!

САМСОН: Не произносите вслух, это проклятая пьеса!

ДОН КИХОТ: Проклятая!

САМСОН: Мой вам совет, сеньор Кихано: если уж быть рыцарем – быть им до конца! Где ваша дама, ради которой вы собираетесь биться с гигантами? Где ваши доспехи? Где ваш оруженосец, в конце концов? Может быть, вы именно тот человек, которого наш век ищет, и боится, что нашел!

ДОН КИХОТ: Это Оскар Уайльд, и он совсем не про то! Но я благодарю вас, Самсон, за понимание и поддержку!

САМСОН: Так отправляйтесь же в путь! Скорее! (*Дон Кихот удаляется. Самсон что-то записывает и бормочет сам себе*) Так-так, посмотрим: интересуется всем подряд в надежде отыскать что-нибудь уникальное; наблюдения увязывает с собственной теорией; пытается завладеть всем вниманием, сильно жестикулирует; вертит в руках какой-нибудь предмет или прикасается к собеседнику; прямого соперничества избегает; поддерживает тонус внешними стимуляторами; резкие перепады настроения... Ну что ж, очень интересно... Как сказал Хармс, я дам ему исследовательскую пиллюлю!

VI. РОЖДЕНИЕ ДУЛЬСИНЕИ.

ДУЛЬСИНЕЯ: Мне говорят – нету такой любви...
Мне говорят – как все, так и ты живи
Больно многого хочешь, нету людей таких
Зря ты только морочишь и себя и других
Говорят: зря грустишь, зря не ешь и не спишь.
Не глупи – все равно ведь уступишь
Так уж лучше сейчас уступи

Когда мне было 10 лет, я увлекалась всем. Школьный кружок самодеятельности посылал меня на конкурсы живописи, художественного чтения, латино-американских танцев и астрологии. Стена в моей комнате была увешана грамотами. Как-то раз, приглядевшись к одной из них, я почувствовала нечто вроде когнитивного диссонанса – тогда я разумеется так не формулировала. Это была грамота по астрологии, где мне присваивалась степень бакалавра –

что это за степень, я тогда тоже, конечно же, не знала. Но меня смутили подписи членов экзаменационной комиссии – а именно магистра астрологии Венеры Марсовны Солнцевой и председателя комиссии Урана Нептуновича Сатурнова. Кого они дурят – подумала я; над кем они издеваются? Вот тут и перестали сходиться концы с концами. Швы разъехались. Это ведь на полном серьезе. Это же кто-то придумывал, это же кто-то эти грамоты печатал! Я бросила все кружки, начала полнеть, покрасила волосы, глаза и губы в черный цвет, и после школы пошла в медицинский.

ДОН КИХОТ: Чей голос слышу я?

ДУЛЬСИНЕЯ: Это я, сеньор Кихано. Я, Альдонса Лоренсо.

ДОН КИХОТ: Владычица моя! Не найдется в мире яда, способного умертвить во мне чувство, нетленное и прекрасное, посетившее меня в тот день, когда златокудрый ваш образ, о прекрасная Дульсинея, впервые явился мне при заходе солнца.

ДУЛЬСИНЕЯ: Что вы такое говорите, сеньор Кихано. Я простая девушка, такие речи для меня вредны. Они могут заронить в моей душе томление!

ДОН КИХОТ: Томление... *Sehnsucht*, как называли его великие немецкие композиторы. Шуберт, Шуман... Берлиоз пишет свою симфонию, а Петрарка воспевает ваши глаза.

ДУЛЬСИНЕЯ: Полно, сударь, Петрарка воспевает Лауру, а сегодня образ прекрасной дамы уязвим и бессмысленен. Платоническому чувству нет места в повседневной будущности.

ДОН КИХОТ: Другие, может быть, и думают о себе подобным образом; но даже если душа смертна, все-таки лучше признавать ее бессмертной... Я никогда не любил ничего постыдного, а только прекраснейшее. Нет-нет, это стучит мое сердце.

ДУЛЬСИНЕЯ: Сеньор Кихано, зачем вы встали на колени?

ДОН КИХОТ: Лишь только румянощекий Аполлон разбросал по земле нити своих золотых волос, а златотронная Аврора поднялась с пуховиков своего ревнивого супруга... В это время Дон Белеанис сел на своего коня и тронулся в путь.

ДУЛЬСИНЕЯ: Перестаньте, прошу вас! Ваши речи могут быть для меня опасны! В моем возрасте что-то происходит. Рычажок выключается, душа обесточивается. В юности случались увлечения. Один обманул, другой предал. Вот калитка и закрылась, и через забор не перепрыгнуть, и водопад между мной и миром. Выбирайте себе помоложе, они глупостям еще могут поверить, я же боюсь... Черствеют дни, а ночью холодает... Опомнитесь, сеньор; вы герой, влюбленный, в крайнем случае злодей, интриган. А я? Что я такое? Героиня тоже? Нет, извините. Здесь требуются ноги длинные, исключительная выразительность кистей рук, большие миндалевидные глаза, шея круглая и длинная, голосовой разговорный медиум с тяготением к контральто, богатство тембров. Нет, я не героиня, и не проказница даже, – там нужна большая подвижность лицевых мышц. Нет, меня в тот раздел нужно, где общих требований нет: подруга, наперсница, сводня, сваха, блюстительница порядка, вестница, травести, а то и вовсе – содействующая.

ДОН КИХОТ:
Мне в этой жизни многие встречались
Душа качалась от беды к беде
Но юность и моя уже умчалась
Причастная сама к себе
Ни снов, ни слез, ни фраз не оставалось
Чтоб страсть свою мне выразить опять
Но кем бы вы теперь ни оказались
Останется во мне вас часть.
Не покорить цитатой вас, усталость
От книг, от музыки и от вина
В вас укрепились, что же? Ты попалась!
Ты мне такая, только мне нужна!

ДУЛЬСИНЕЯ: О, Господи, сеньор Кихано! Я так не могу, я простая девушка. Я вовсе не ваша Дульсинея. Я должна идти... И вы должны идти... Не терзайте меня! (*убегает*).

VII. ЗАГОВОРЩИКИ.

ПРОСПЕРО: Чем ты занята, Франциска?

ФРАНЦИСКА: Разучиваю хорал для воскресного исполнения (*поет*).

ПРОСПЕРО: Франциска, время не хоральное, время суровое!

ФРАНЦИСКА: Ты о чем?

ПРОСПЕРО: Ты заметила, в каком настроении вернулся Сеньор Карраско из Саламанки? И почему-то вообще он вернулся? Не удержали его что-то там ни климат, ни достопримечательности все эти?

ФРАНЦИСКА: Просперо, не морочь мне голову – ты в его кресле не сидел и его головой не смотрел. Приехал – так приехал – ты бы лучше поучился, глядя на умного человека.

ПРОСПЕРО: Как бы не так, моя дорогая! Моя дорогая, как бы не так! В нашем краю сгущаются тучи и тянутся щупальца. Ведь о чем-то они говорили наедине с сеньором Кихано... В режиме аудиенции, так сказать.

ФРАНЦИСКА: Мой дорогой, сеньор Кихано выжил из ума, о чем с ним можно разговаривать? Подыграй мне лучше в ре-мажоре (*поет*).

ПРОСПЕРО: Я тебе объясню. Вот есть ты – допустим. Какая-никакая, но есть. Ходишь тут, волосами гремя, допустим – вот ты треугольничек.

ФРАНЦИСКА: А чего это я вдруг треугольничек?

ПРОСПЕРО: Ну так, к примеру. А я вот, например, по-другому устроен. У меня волос меньше, зато мыслей больше, они там шуруют туда-сюда. То есть я – квадратик.

ФРАНЦИСКА: Ты можешь ровно играть квадрат, квадратик мой? Ре – соль – ля – ре.

ПРОСПЕРО: Да играю я, играю! Ну допустим: ты – треугольничек, я – квадратик, сеньор Карраско... – он тоже квадратик, а сеньор Кихано – кружочек.

ФРАНЦИСКА: Это почему это он кружочек?

ПРОСПЕРО: Потому! Он не похож ни на тебя, ни на меня, он другая, так сказать, лепешка...

ФРАНЦИСКА: Ты хотел сказать, что он из другого теста.

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да! И теперь представь себе – вот треугольнички хотят объединиться с треугольничками, ну или с квадратиками, но ни в коем случае не с кружочками! Квадратики – тоже либо с собой, либо с треугольничками, но не с кружочками. А с кем тогда остается объединиться кружочкам?

ФРАНЦИСКА: Я чувствую себя в начальной школе – с кружочками конечно!

ПРОСПЕРО: Бинго!

ФРАНЦИСКА: Поздравляю тебя с этим открытием! Теперь, пожалуйста, рефрен с соль-минора (*поет*).

ПРОСПЕРО: Но погоди-погоди! Сказала раз, говори и два.

ФРАНЦИСКА: Раз-и-два-и-три-и! Раз-и-два-и-три-и!

ПРОСПЕРО: Кружочки, объединившись только с кружочками, начнут истреблять и треугольнички и квадратiki – у них не останется выбора.

ФРАНЦИСКА (перестает петь): И что же нам делать? Объединяться с кружочками?

ПРОСПЕРО: А это, как говориться, вопрос на большое количество банкнот.

ФРАНЦИСКА: Ты хотел сказать – вопрос на миллион.

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да. Теперь ты поняла тайный смысл аудиенции за закрытыми дверями сеньора Кихано и сеньора Карраско, человека весьма умного.

ФРАНЦИСКА: Нет, не поняла! В чем тайный смысл?

ПРОСПЕРО: Тайный смысл в том, с кем объединяться! А вот и сеньор Карраско.

САМСОН (входит): Добрый день, друзья мои.

ПРОСПЕРО: Здравствуйте, сеньор Карраско.

ФРАНЦИСКА: Я тоже очень рада видеть вас, сеньор.

САМСОН: Я думал и все никак не мог понять, что такого готовит сеньора Франциска, от чего сеньор Просперо всегда в такой хорошей форме.

ПРОСПЕРО: Слышала? А ты все живот-живот, а это не живот, а сгусток нервов.

ФРАНЦИСКА: Не знаю, сеньор Карраско, разные блюда... Я вообще импровизирую.

САМСОН: Я думал об этом еще давно, и спустя пару лет я нашел ответ! К тому моменту у меня, знаете ли, был уже хронический гастрит, но благодаря знакомым в лабораториях мне удалось провести исследование, и я понял ценность натуральной пищи. Ведь то, что дает нам природа – это же и есть наша богатство, наша главная ценность.

ФРАНЦИСКА: Я с вами полностью согласна, Самсон. Я своему мужу тоже всегда твержу – никаких полуфабрикатов, только свежий продукт, и поменьше алкоголя, особенно – пива!

САМСОН: Не могу согласиться, потому что пиво тесно связано с пшеницей, а пшеница – это наше достояние. Особенно – пророщенная пшеница. Я – открою вам секрет – последние два года я занимаюсь функциональным питанием, и мне, в частности, удалось инвестировать средства в производство продуктов питания компании «Добрый злак».

ПРОСПЕРО И ФРАНЦИСКА: Добрый злак?

САМСОН: Да! Я хотел показать вам и угостить вас, но тут мы с сеньором Кихано имели неосторожность вести экзистенциальный спор кое о чем...

ФРАНЦИСКА: Какой спор?

ПРОСПЕРО: Я понял! Я, кажется, понял! Добрый злак – это как Добрый знак!

САМСОН: Совершенно верно, сеньор Просперо. Так вот, экзистенциальный спор – то есть спор о принципиальных проблемах бытия... И у меня возникла одна идея...

ПРОСПЕРО: Я вас прошу, сеньор Карраско, не здесь. Стены умеют подслушивать.

ФРАНЦИСКА: Дорогой, ты хотел сказать, что и у стен есть уши...

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да, пройдемте в укромное место, и вы нам все расскажете.

VIII. РЫЦАРЬ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА.

Санчо Панса проходит мимо с кружкой кофе. Дважды заглядывает в комнату.

САНЧО: Всех благ, сударь.

ДОН КИХОТ: Нет-нет.

САНЧО: Хорошо, не всех благ, сударь.

ДОН КИХОТ: Нет-нет, не сударь! Сеньор!

САНЧО: Как скажете! Всех благ, сеньор! Вы случайно не умеете вязать морские узлы?

ДОН КИХОТ: Это не рыцарское дело, сеньор!

САНЧО: А вы рыцарь?

ДОН КИХОТ: Я последний странствующий рыцарь Железного века! Что это у вас с лицом? Большой зуб?

САНЧО: С зубами все в порядке. Меня немного смущает вот это – последний рыцарь, да еще Железного века – простому человеку вроде меня и не очень понятно, с кем он имеет дело. Как-то не звучит.

ДОН КИХОТ: Вы меня этим огорчаете, сеньор.

САНЧО: Постойте-постойте! Так и назовитесь – Огорченный рыцарь! Или нет – лучше угрюмый рыцарь!

ДОН КИХОТ: Нет, это даже звучит угрюмо.

САНЧО: Согласен – угрюмо! Может быть тогда – ошарашенный рыцарь, погрустневший рыцарь, мрачный – или лучше самый мрачный рыцарь; рыцарь де'меланхоли, нордический рыцарь... рыцарь-кручина.

ДОН КИХОТ: Это все соответствует действительности, но напрочь лишено Образа.

САНЧО: Ну так и скажите – рыцарь нордического образа.

ДОН КИХОТ: Лучше – печального.

САНЧО: Ваша правда... тем более, что смотреть на вас не очень-то весело. А что – нос у вас пуговкой, глаза такие – навывкате... Да, Рыцарь Печального Образа! Ну бывайте (*уходит*).

ДОН КИХОТ: Подождите, а вы?

САНЧО: А я тут так – мимо проходил – за квасом! И заодно научится вязать морские узлы.

ДОН КИХОТ: Ну уж нет! Вы не случайно оказались рядом со странствующим рыцарем.. Санчо – я узнал тебя! Это же ты – мой добрый оруженосец Санчо Панса! И зачем ты все это на себя напялил, я чуть было не обманулся!

САНЧО: Сеньор, как вам угодно конечно, но...

ДОН КИХОТ: Но оставим этот разговор до более спокойного времени. Пора в путь, мой добрый оруженосец. Скажи, ты читал где-нибудь о столь же доблестном рыцаре как я?

САНЧО: Сеньор, я, конечно, умею читать, но в данном случае не могу вам ничего ни противопоставить, ни... поставить, потому как, должен признаться, умением читать я не пользуюсь.

ДОН КИХОТ: Ну так я отвечу твоему невежеству, что храбрее меня рыцарей нет! Разве что рыцарь Ланселот, Лоенгрин, Айвенго, Ричард Львиное Сердце и Ульрих Фон Лихтенштейн. Но они уже умерли.

САНЧО: Как? Отчего? Я не знал!

ДОН КИХОТ: Ничего, Санчо! Они умерли давно, от старости, находясь во славе и почете, победив предварительно всех гигантов и злых волшебников.

САНЧО: Очень интересно вас слушать, сеньор Рыцарь Печального образа, но у меня много дел. Я должен еще научиться вязать морские узлы, потому как собираюсь построить целый флот. Сегодня мне нужно освоить узлы, завтра я займусь поиском подходящих досок для судостроительства, послезавтра буду обходить окрестные болота, чтобы найти то, на котором можно будет построить город, прекраснейший в мире, затем...

ДОН КИХОТ: А что ты будешь делать, когда построишь город?

САНЧО: Как это, сеньор? Буду им править!

ДОН КИХОТ: Отправляйся со мной навстречу подвигам, и я обещаю, что сделаю тебя губернатором первого завоеванного мною острова.

САНЧО: Что, в самом деле что ли? Вы не шутите?

ДОН КИХОТ: Ты что же не читал «Рыцарский кодекс»?

САНЧО: Я же вам сказал – я не пользуюсь умением читать.

ДОН КИХОТ: Кодекс рыцарей: пункт 4-ый – защищать справедливость, пункт 5-ый – оказывать уважение тем, кто его заслуживает; пункт 11-ый – беречь и защищать свою репутацию; пункт 12-ый – быть верным своему слову; и так далее. Так что никогда не сомневайся в том, что сказано тебе рыцарем. Ты будешь королем!

САНЧО: Нет-нет, королем, пожалуй, меня делать не надо!

ДОН КИХОТ: Это почему же?

САНЧО: Эта должность очень опасна: выдающиеся императоры Леонит и Тиберий III обезглавлены, а Алексей V сброшен с колонны; Карлу I отрубил голову топор, а Людовику XVI – гильотина. А Гай Юлий Цезарь, а Генрих IV? А Павел I? А Александр II? А Николай II? А Линкольн и Кеннеди? А оба Ганди? Нет-нет, я не хочу быть королем!

ДОН КИХОТ: Договорились, Санчо! Ты будешь губернатором, и я уверен ты достойно справишься с этой ответственной ношей! Но прежде ты в качестве оруженосца должен сопровождать меня повсюду и выполнять мои распоряжения.

САНЧО: Я согласен, Рыцарь Печального Образа!

ДОН КИХОТ: Итак, нам нужен шлем!

САНЧО: У меня есть только старая фетровая шляпа – я как раз хотел ее по пути выкинуть.

ДОН КИХОТ: Ты что, Санчо?! Это же шлем сарацинского короля Мамбрино (*надевает шляпу*). Теперь мне нужен меч! Без меча нельзя отправиться в путь.

САНЧО: От моей покойной бабушки осталась трость! Но она почти ей не пользовалась: до 84 лет она ходила своими ногами, а с 86 и до конца жизни ее уже возили на коляске!

ДОН КИХОТ: Санчо! Недаром говорится, что если судьба закрывает перед человеком дверь, то обязательно откроется...

САНЧО: Щель! Или форточка!

ДОН КИХОТ: Другая дверь! Трусливый Фристон, убегая, забыл свой меч, который судьба вложила в руки твоей престарелой бабушке в виде тросточки. Беги за мечом, Санчо!

САНЧО: Пробежка в моем возрасте может стать роковой! Но спортивной ходьбы никто не отменял! Одна нога здесь, другая там (*уходит*).

ДОН КИХОТ (оставшись один): Ну вот и все готово: перед вами нет больше обывателя Алонсо Кихано, прозванного добрым, теперь я присваиваю себе другое имя – имя Дон Кихота Ламанчского. Для бедного рыцаря есть только один путь, чтобы достигнуть славы и всеобщего признания – путь добродетели. Он должен быть приветливым, вежливым, благовоспитанным, а главное – милостивым. Да, мы – странствующие рыцари для того и нужны, чтобы творить добро. Кто если не мы? Кто, если никто? Словом, добрее надо быть!

Пусть вам странен мой облик печальный
В час сраженья, в решающий час
Я безумец? – О нет! – я нормальной
О сеньоры, любого из вас!

САНЧО (вернувшись с котомками): Хорошо сказано и хорошо спето! Я вот тут подумал – от бабушки остались еще очки и вставная челюсть – я их тоже захватил на всякий случай.

ДОН КИХОТ: Эх, испортил песню... дурак. Да ладно, не обижайся, это Горький.

САНЧО: Горький песню испортил?

ДОН КИХОТ: Нет, Горький это написал.

САНЧО: Горький написал песню?

ДОН КИХОТ: Санчо, даже люди, не сильно снабженные интеллектом и остроумием иногда выглядят глупо, что же говорить о тех, кого второстепенная роль не может вывести никуда, кроме глупости? О них лучше не говорить, да им и самим лучше молчать.

САНЧО: Я, честно говоря, ничего не понял.

ДОН КИХОТ: И ничего страшного. Вперед без лишних слов!

IX. ДНЕВНИКИ ДУЛЬСИНЕИ.

ДУЛЬСИНЕЯ: Когда мне было 16 лет, я продавала все подряд: пластмассовые ведра и ведра эмалированные железные с деревянной ручкой; утюги и электроплитки; биологически активные добавки и косметику; и наконец – кроликов. А случилось это так: мой папа работал на пилораме; пилорама под его руководством изготовила деревянные балясины. Папа развозил их по магазинам и продавал. Папа балясины продал, а деньги ему не заплатили; и остались должны, и впоследствии отдавали долг продукцией – ведрами, утюгами и т.д. Мама говорит: делать нечего, придется конвертировать. И вот мы ездили на «Газели» по деревням и продавали все это. А потом я в автобусе познакомилась с парнем. Он говорит – давай деньги зарабатывать и научил меня продавать кроликов у зоопарка. Кролики декоративные и карликовые в корзинке штук по 20. Ой, какие хорошие! Да, карликовые, не вырастут, так и будут такие хорошие. Поэтому они дороже. А чем их кормить? Как чем? Морковкой, капустку давайте... А в чем мы его понесем? Как в чем – смотрите какой он маленький, на руках несите, никуда он не убежит. Вот так и продавала. Но потом правительство сменилось, органам порядка уже нельзя было давать взятку, чтобы они меня не трогали, поэтому кроличий бизнес прикрылся, а непроданные кролики вскоре началидохнуть и таким образом самоустранились.

Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,
В иголку продеваю – луч.
Грабителю вручаю – ключ
Белилами румяню бледность
Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку
Грабитель входит без ключа
А дура плачет в три ручья
Над днем без славы и без толку

Х. ВЕТРЯНЫЕ МЕЛЬНИЦЫ.

Просперо и Франциска стоят за декоративными мельницами – рекламными стойками «Добрый знак» и рекламируют свою продукцию.

ФРАНЦИСКА: Дорогие друзья, функциональное питание «Добрый знак» – ваш зрелый и проросший помощник.

ПРОСПЕРО: Кисели, каши, супы, батончики, пюрешечки, конфетки, мюсли, чай, шоколад, а также наше пиво «Добрый знак» – для знатоков злых мест.

Входят Дон Кихот и Санчо.

ДОН КИХОТ: Но вот мы и достигли перекрестка, Санчо. Теперь мы будем полными пригоршнями черпать из озера приключений.

САНЧО: Ох, чувствую, мы с вами тут начерпаемся.

ПРОСПЕРО (подходя к Санчо): Молодой человек, вот хотел вас спросить – вот вы знаете, что после 35-40 лет и при избыточном весе, как у нас с вами, ужинать нужно, оказывается, за 3 часа до ночного сна. И ужин должен быть разгрузочный: кефир, творог, либо продукты нашего функционального питания.

ДОН КИХОТ: Санчо, не отвлекайся, мы должны совершить подвиг – об этом сказано в Кодексе Рыцарей.

САНЧО: Да-да, сеньор, просто тут какое-то новое пиво...

ФРАНЦИСКА (Дон Кихоту): Уважаемый сеньор, вы знаете сколько нужно пить воды? Согласно формуле функционального питания нужно пить натошак и между приемами пищи очищенную воду из расчета 30 мг на 1 кг веса. Вот пройдемте, у нас есть весы...

ДОН КИХОТ: Спасибо вам, прекрасная фрейлина, но странствующие рыцари довольствуются малым, ибо раз уже ложе рыцаря – темные скалы, то и пища его – птичьи трели. Санчо, вперед.

САНЧО (подходит к нему с батончиком): Представляете, сеньор, в батончике «Энергия злаков» есть фруктоза, обогащенной L-карнитином, и ценная растительная клетчатка. Эти сеньоры мне сказали, что кожа от этого батончика делается гладкой, шелковистой и мягкой (*его зовет Просперо, он уходит к нему*).

ФРАНЦИСКА (подходит): Попробуйте суповой порошок «Пикантный» с экстрактом чеснока и глицином». Это залог хорошего самочувствия и высокой работоспособности. Чеснок очищает сосуды от холестерина, глицин улучшает память и повышает настроение.

ДОН КИХОТ: Еще раз благодарю вас, но настроение у рыцаря неизменно хорошее, а сил ему придает боевой клич «Лилелилиес».

САНЧО (подходит с пюре): А вы знали, сеньор, что картофель, как выяснили ученые – самый полезный овощ в рационе взрослых и детей.

ПРОСПЕРО (подходит с еще одной порцией): Ну да, ну да, потому что в нем больше калия, чем в любом другом овоще или фрукте. В результате наша пюрешечка улучшает обмен веществ и поддерживает ваш иммунитет.

САНЧО: А что это у вас – действительно пиво?

ПРОСПЕРО: Не просто пиво, а пиво с коллагеном. Вы знаете, что такое коллаген? Пойдемте, я вам покажу.

ФРАНСИСКА (подходит со стаканчиком кофе): Я вам так скажу – два яйца, булка с маслом и кофе «Бизнес» – завтрак на весь день! Наш кофе обогащен экстрактом готу кола, который снабжает мозг кислородом, улучшает память и ускоряет метаболизм.

ПРОСПЕРО: А еще попробуйте наш кедровый коктейль «Ядреный баланс»!

Неожиданно раздается шумомузыкальный сигнал, все словно замирает как в кино и существует замедленно, мы как будто фокусируемся на главных героях.

ДОН КИХОТ: Гляди скорее, Санчо!

САНЧО: Что случилось?

ДОН КИХОТ: Почему ты не поражаешься? Перед нами же злые гиганты с костлявыми как смерть руками.

САНЧО: Опомнитесь, сеньор. Это обычные мельницы, да и к тому же декоративные.

ДОН КИХОТ: Сейчас все в тебе выдает неопытного искателя приключений. Это великаны и если ты боишься, то отъезжай в сторону и помолись, а я тем временем вступлю с ними в жестокий и неравный бой. Вы не испугаете меня, хотя бы рук у вас было больше, чем у великана Бриарея. Против вас только один рыцарь, но он один стоит вас всех.

САНЧО: Сеньор, остановитесь! Сеньор, куда же вы? Господи, что же это делает мой господин? Остановитесь! *(Дон Кихот бросается на мельницы. Шум, звук разбитой посуды. Темнота.)*

ХІ. СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ.

НИКОЛАС: Обожаю Геную! Чувствую там себя как дома. Идешь днем по набережной, а вокруг шумит жизнь, снуют эмигранты, автобусы, корабли, рыбы-мутанты плещутся в отравленной портовой воде. И чувствуешь себя свободно – потому что никому до тебя нет никакого дела. А вечером сядешь в какой-нибудь автобус, уедешь на нем вверх далеко-далеко; а оттуда в ночных огнях, и этот порт, и эти люди-корабли-эмигранты такие маленькие и несущественные, так что и тебе до них теперь тоже никакого дела нет.

ПЕРЕС: А мне больше по душе фламандская тоска. Все как будто вышли из картин Брейгеля и курсируют от одного кабака к другому. На их фоне ты идешь такой румяный, круглолицый, довольный; и думаешь – Амстердам–Роттердам, Гаага–Фигага, Брюгге-Крюгге – как вы там живете в такой тоске?

КЛЮЧНИЦА (входит): Мальчики, я кое-что придумала.

ПЕРЕС: Когда ты так говоришь, у нас потом что-нибудь ломается.

НИКОЛАС: Иногда все сразу.

КЛЮЧНИЦА: Нет, мальчики, его надо женить!

ПЕРЕС: Кого?

КЛЮЧНИЦА: Сеньора Кихано. Он же рыцарь! Вот пускай женится на принцессе, и будет, как это, жить с ней, в этой самой, в башне, и охранять ее от какого-нибудь там... дракона!

НИКОЛАС: Жить с принцессой в башне – это и так – все равно что с драконом.

ПЕРЕС: Да и из кого тут выбирать? Это в наше время, помнишь, Николас? – глаза разбегались. Помнишь, как мы ухлестовали то за дочкой пекаря, то за студенткой сеньора Бартоломео, то за этой, как ее, на «Б»...

НИКОЛАС: Беатрисой?

ПЕРЕС: Нет, не Беатрисой, короткой такое имя, на «Б», где-то букв пять.

НИКОЛАС: А какие буквы еще есть?

КЛЮЧНИЦА: Вы что – кроссворд разгадываете?

ПЕРЕС: Еще есть «я» точно.

НИКОЛАС: На «Б», и еще есть «я»... что бы это могло быть?

КЛЮЧНИЦА: Брия.

ПЕРЕС И НИКОЛАС: Какая еще Брия?

КЛЮЧНИЦА: Ну мало ли? Да и вообще вы оба в основном за мной бегали, так что нечего тут это самое – привирать, вот.

НИКОЛАС: Фабия! – вспомнил? – Фабия!

ПЕРЕС: Ну да – Фабия! Я же говорю – на «Б» - пять букв.

КЛЮЧНИЦА: Ой-ой! Да кого же вспомнили? Фабию! Эту, понимаете ли, марафетчицу. И вообще – я тут дело говорю! Женить надо сеньора Кихано, он тогда образумится. (*Входит Самсон.*) Вот, сеньор Карраско, вы как считаете, то есть вы со мной согласны, что я полагаю, как сказать, что сеньора Кихано нужно, понимаете ли, женить.

САМСОН: О нет, образ Прекрасной дамы должен быть принципиально недостижим для рыцаря. Часто Прекрасная дама сама может быть замужем, но это не мешает ей быть идеалом совершенства как телесного, так и духовного. И вообще, Прекрасная дама – это скорее образ, который рыцарь создает в своем воображении. Мой же план в другом. Сеньор Перес, вы же превосходный кулинар, как мне сказала сеньора Франциска...

ПЕРЕС: Ну... Что есть, того не отнять.

САМСОН: А у вас, сеньор Николас, наверняка есть изящный, но строгий костюм с бабочкой, не так ли?

НИКОЛАС: Много лун тому назад, когда доллар равнялся 870 лирам, я пошил его на заказ у одного итальянского мастера, и выглядит он по-прежнему прекрасно.

КЛЮЧНИЦА: А я, а я? У меня спросите, что у меня есть!

САМСОН: А у вас, сеньора Ключница, у вас есть загранпаспорт?

КЛЮЧНИЦА: Есть...

САМСОН: Ну хорошо, тогда собирайтесь, мы скоро отбываем.

ВСЕ: Куда?

САМСОН: Как это куда? В Испанию! В Ла-Манчу! В XVII век!

ХП. УСЛОВНО И ДОСЛОВНО.

Дон Кихот и Санчо сидят в отделении, в «обезьяннике».

ДОН КИХОТ: Все дело в том, Санчо, что ты все мои слова воспринимаешь дословно, в то время, как я преимущественно выражаюсь условно.

САНЧО: Нет-нет, сеньор, уверяю вас, что как раз наоборот – вы сказали дословно – «Это великаны с какими-то там когтями», а я вам говорю – да-да, так условно можно назвать мельницы, и, на всякий случай, повторил – это обычные ветряные мельницы.

ДОН КИХОТ: В этом и есть твоя ошибка! Ты воспринял сказанное условно как дословное указание на условное название мельниц, понимаешь?

САНЧО: Нет.

ДОН КИХОТ: Я не имел в виду, что мельницы, т.е. дословно мельницы можно условно назвать великанами с когтями. Нет, это и были великаны, которые ты дословно назвал мельницами, хотя мельницами их можно назвать лишь условно.

САНЧО: Подождите, вы сказали – великаны. Дословно ВЕ-ЛИ-КА-НЫ. Я и подумал – это условно мельницы. И сказал вам – это мельницы.

ДОН КИХОТ: Да, но сказал дословно.

САНЧО: Так что дословно – великаны или мельницы?

ДОН КИХОТ: Я вижу, Санчо, что ты совершенно ничего не смыслишь в условностях. Но оставим это. Если ты хочешь знать, то проклятый волшебник Фристон...

САНЧО: Секундочку, сеньор, условный Фристон или дословный Фристон?

ДОН КИХОТ: Прекрати немедленно эту ахинею, Санчо, видишь, я умираю? Проклятый волшебник Фристон превратил этот строй гигантов в ветряные мельницы, лишь только я вонзил свое копьё в руку первому из них. И давай договоримся положить конец бессмысленному процессу втолковать тебе что-то про метафизику.

САНЧО: Условились.

ДОН КИХОТ: Что?

САНЧО: Я хочу сказать – договорились... Скажите, сеньор, а когда мы сможем ходить свободно? Дело в том, что мне моя простая и нерыцарская логика говорит буквально следующее: как бы не хотелось достойно умереть, хотелось бы еще немного пожить.

ДОН КИХОТ: Имей в виду, Санчо, что это приключение, как и все ему подобные, суть приключения дорожные, и здесь ты всегда можешь рассчитывать на то, что тебе проломают череп или же отрубят ухо, но ни на что больше. Дай срок, будут у нас и такие приключения, которые дадут мне возможность сделать тебя губернатором острова.

САНЧО: Это я понимаю, сеньор. Но если мы и дальше будем так сражаться в таких приключениях, то нагрет, как сказать... святое братство, и потом, пока мы выйдем на свободу, у нас с вами глаза на лоб вылезут.

ДОН КИХОТ: Где ты видел и читал, чтобы странствующего рыцаря привлекали к суду за кровопролития, сколько бы он их не учинил?

САНЧО: Насчет кровопролития я ничего не слыхал и отродясь ни на ком не пробовал. Знаю только, что тех, кто затевает на больших дорогах драки, святое братство по головке не погладит. А теперь послушайте меня, ваша милость: вам непременно надо полечиться... После схватки с мельницами, прошу прощения, – с гигантами – кровь так и течет у вас их уха, а у меня в сумке имеется немного мази.

ДОН КИХОТ: В этом не было бы никакой необходимости, если бы я не забыл захватить в дорогу сосуд с бальзамом Фьерабраса: одна его капля сберегла бы нам время и снадобья.

САНЧО: А что это за бальзам?

ДОН КИХОТ: Это чудодейственное лекарство, Санчо! Если ты когда-нибудь увидишь, что меня в пылу битвы рассекли пополам, – а такие случаи со странствующими рыцарями бывают постоянно, ты, не долго думая подними одну мою половину, и с величайшей осторожностью приставь ко второй. Затем дай мне только два глотка упомянутого бальзама – и я вновь предстану пред тобой свежим и бодрым. А теперь давай лечиться – где там твоя мазь? У меня мочи нет, как болит ухо.

САНЧО: Да, сеньор, не знаю как вам это сказать...

ДОН КИХОТ: Говоря прямо, Санчо, благородное сердце рыцаря открыто для любой тайны.

САНЧО: Дело в том, что очень хочется кушать. Я понимаю, сеньор, что странствующие рыцари почитали за особую для себя честь целый месяц не принимать пищи, и всю жизнь проводили в лесах и пустынях, но все-таки я захватил с собой немного самой обыкновенной пищи, которую вы, конечно же, есть не станете, так что...

ДОН КИХОТ: Санчо, у живших в лесу странствующих рыцарей и пища скорее всего была довольно грубая.

САНЧО: То есть вы не почтете неблагородным занятием есть мою пищу?

ДОН КИХОТ: Вот ты сказал – МОЮ ПИЩУ. Блаженны времена и блажен тот век, который древние называли золотым, – и не потому, чтобы золото в ту счастливую пору доставалось даром, а потому, что жившие тогда люди не знали двух слов: твое и мое. В те благословенные времена все было общее. Для того, чтоб добыть себе дневное пропитание, человеку стоило лишь вытянуть руку к могучим дубам, ветви их тянулись к нему и сладкими своими плодами щедро его одаряли. Быстрые реки и светлые родники утоляли его жажду роскошным изобилием приятных на вкус и прозрачных вод. Кряжистые пробковые дубы снимали с себя широкую свою и легкую кору единственно из доброжелательности, и люди покрывали ею свои хижины – лишь для того, чтобы защитить себя от непогоды. Тогда всюду царили дружба, мир и согласие. Тогда движения любящего сердца выражались так же просто и естественно, как возникали, без всяких искусственных украшений и околичностей. Правдивость и откровенность свободны были от примеси лжи, лицемерия и лукавства. Корысть и пристрастие не были столь сильны, как ныне. Закон личного произвола не тяготел над помыслами судьи, ибо тогда еще некого и не за что было судить. Девушки всюду ходили об руку с невинностью, без всякого присмотра и надзора, не боясь, что кто-нибудь их оскорбит, а если они и теряли невинность, то по своей доброй воле и хотению. Ныне же, в наше подлое время, все они беззащитны, ибо любовная зараза носится в воздухе, с помощью проклятой светскости она проникает во все щели, и перед нею их неприступности не устоять. С течением времени мир все более и более полнился злом, и вот учредили наконец орден странствующих рыцарей, в обязанности коего входит защищать девушек, опекать вдов, помогать сирым и неимущим. А мечтание странствующего рыцаря заключается именно в том, чтобы возродить тот сверкающий век! Ах, Санчо, если бы на мою долю не выпало тревожное счастье стать рыцарем, я хотел бы быть пастухом! Я назвался бы Кихотисом, а ты – Пансино, и мы стали бы бродить по горам и лугам, то распевая романсы, то вздыхая от полноты души. Днем нас спасала бы от жгучего солнца буйная листва дубов, а ночью нам светили бы мирные звезды. Ах, неужели ты не понимаешь, что только в такой жизни человек может найти настоящее счастье?

САНЧО: Вы так интересно рассказываете, сеньор. В вашей маленькой голове столько понапихано, что вас можно, слушать целый день! Нет – два дня! Но все-таки самое интересное – это бальзам. Знаете, может быть, мало ли там чего в приключениях случиться может, – может быть, вы откроете мне рецепт этого бальзама сейчас?

Заходят полицейские!

ФРАНЦИСКА: Задержанные Кихано и Панса. К вам обращается капитан Кастаньеда.

ПРОСПЕРО: Уважаемые, дорогие задержанные Кихано и Панчо.

САНЧО: Панса.

ПРОСПЕРО: Дорогие задержанные Панса и Киханса. Поздравляем вас с задержанием. Вы стали юбилейным 999-м и 1000-м задержанным в этом году.

ФРАНЦИСКА: Поздравляем вас и дарим вам туристическую путевку на двоих в самый центр Испании, в Ла-Манчу.

ПРОСПЕРО: Ла-Манча славится своим рукоделием, виноделием, земледелием и прочими культурными достижениями сельского хозяйства в области живописи, скульптуры, архитектуры, литературы, музыки и зодчества.

ФРАНЦИСКА: Прошу вас проследовать в нашу полицейскую карету.

ДОН КИХОТ: Вот видишь, Санчо, остались в наш век еще люди, которые умеют ценить рыцарскую породу. Вперед, Санчо, навстречу приключениям. Как сказал Демокрит: мужество делает ничтожными удары судьбы!

САНЧО: Как сказала моя жена: если не вернешься к десяти, запру дверь и ночуй на улице.

ХIII. ЛЮБОВНЫЕ ВЗГЛЯДЫ.

САМСОН: Антония, ну что же это вы от меня скрываетесь? Вы так похорошили.. А я о вас вспоминал... Я писал вам письма...

АНТОНИЯ: Я ничего не получала.

САМСОН: Потому что я писал и сжигал, писал и сжигал! И ждал встречи с глазу на глаз, чтобы все сказать вам лично.

АНТОНИЯ: Вы стали слишком, чересчур умны, Самсон. Смотрите, как все вокруг не нарадуются, глядя на вас.

САМСОН: А я, глядя на вас?

АНТОНИЯ: Что – вы, глядя на меня?

САМСОН: Радуюсь ли я, глядя на вас? И вообще, о чем я думаю? Не о том ли, что маленькая девочка, бросавшая в меня камнями во дворе, сейчас бросает на меня испепеляющие взгляды? Не о том ли, что можно покорить все вершины и завоевать разные почести, но так и не получить своей главной награды? Ну и, наконец, не о том ли, что для того и нужно было высоко взлететь, чтобы с высоты упасть к вашим ногам, милая Антония?

АНТОНИЯ: Я очень ценю вашу дружбу, Самсон. И даже, пожалуй, взаимно проникаюсь к вам теми же настроениями. Но я никогда не обладала даром провидения, чтобы читать на расстоянии те ваши письма, которые вы писали и сжигали. Других знаков внимания вы мне не оказывали. И вот теперь, учредив это объяснение, что вы хотите от меня?

САМСОН: Я хочу знать и быть уверен, что у меня есть надежда.

АНТОНИЯ: В надежде нельзя быть уверенным, Самсон. На то она и надежда. Но считайте, что она у вас есть. Да, кстати, у вас есть для меня подарочек?

САМСОН: Какой подарочек?

АНТОНИЯ: Который принято вручать возлюбленным после долгой разлуки!

САМСОН (в замешательстве хлопает себе по карманам и оглядывается): Да, конечно!
(идет в другой конец сцены, роется в тумбочке или чемодане)

АНТОНИЯ: Вы слишком высокого о себе мнения, Самсон! И при этом вынуждаете меня подсказывать такие простые вещи. Вы ничему не научились в Саламанке. Остановитесь! Все равно открытки с видами, блокнотики, брелки и даже кулон с изображениями Тореодора – это, вы понимаете, не предел моих мечтаний. Да-да, имейте в виду, Самсон, я дама небюджетная. И прошу вас, молчите, кто учил вас постоянно пытаться встрять, когда говорит женщина? Слова – это ведь груз в пути. Мешок тяжелый, мясо с кровью.

САМСОН: О если бы я мог найти таинственные междусловья.

АНТОНИЯ: Не пытайтесь доминировать, Самсон, просто подчиняйтесь. Вы же слышите музыку? Так вот – представьте, что она звучит громче. На дне ваших запасов никому не нужных подарков и сувениров наверняка найдется бутылка хереса или мадеры – вот ее-то и достаньте, откройте, налейте в бокалы и медленно идите ко мне. В этот момент можете добавить себе чувство превосходства. *(Самсон все выполняет, как сказала Антония)* Ну вот, теперь, когда вам кажется, что вы подошли достаточно близко – сделайте еще шаг вперед. Выпейте со мной вина... Ну и решитесь наконец на что-то. *(Самсон страстно целует Антонию. Вдруг Антония резко отталкивает Самсона.)* Неплохо, конечно, хотя и довольно-таки банально и предсказуемо. Ну и достаточно. Ну и хватит для первого раза. Будем считать, что теперь у вас есть надежда.

САМСОН: Я вас не понимаю, Антония. Скажите, что вы хотите. Ради вас я готов на все.

АНТОНИЯ: Все, все, хватит. Вы не чувствуете, каким вы становитесь в этот момент смешным, как падает ваш... рейтинг в моих глазах.

САМСОН (собравшись с мыслями и силами): Вам, насколько я понимаю, не очень нравятся магниты. Что же буду знать. Пойду, пожалуй, их перепродам.

АНТОНИЯ: Ну вот, Самсон, вы, кажется, делаете успехи. Вылечите сеньора Кихано от его помешательства, и я тогда... Ну я не знаю... расцелую вас, что ли... *(медленно уходит)*.

САМСОН: Антония, так у меня же есть план. Я за этим и шел, чтобы вам о нем рассказать. Антония! В этом плане и для вас есть роль, Антония! Целуйте же меня сейчас!

XIV. ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСПАНИЮ.

1. Экскурсия.

КЛЮЧНИЦА: Вот наконец достигли мы ворот Мадрида! Столица Испании и крупнейший ее город находится в центре страны на берегах реки Мансанарес, впервые упоминается в X веке, насчитывает более 3 млн жителей, располагается на высоте 650 метров над уровнем моря и имеет континентальный климат. Экономическая и культурная жизнь сосредоточены на площади Кастилии и улице Алькала. Здесь находятся самые дорогие магазины и роскошные рестораны, в одном из которых нам и предстоит пообедать по окончании экскурсии. Мы с вами посетим музей Прадо, а также музей Королевы Софии, в котором, в частности, находится знаменитая картина Пабло Пикассо «Герника», а также творения Сальвадора Дали и Жоана Миро. Кроме того, мы пройдемся пешком по старому городу и увидим площади Пласа-Майор, Пуэрта-дель-Соль, Сибелес и Кановас-дель-Кастильо. Но начнем со знаменитого памятника Сервантесу, учрежденного к 300-летию со дня смерти писателя в 1915 году скульпторами Теодоро Анасагасты и Маттео Инуррия.

ДОН КИХОТ: Тучи рассеиваются, Санчо! Лучшие выживают, потому что они лучшие!

САНЧО: Соглашусь с вами, сеньор, но все-таки не очень учтиво было с вашей стороны требовать от стюардессы в самолете Фьеррабрасовый бальзам вместо красного вина.

ДОН КИХОТ: Эта фрейлина просто никогда не встречала перед собой странствующего рыцаря, поэтому она так и остолбенела.

САНЧО: Я и здесь соглашусь, но все же имею смелость судить, что остолбенела она из-за того, что вы норовили выкинуть свой обед, как вы сами сказали, в презренное окошко.

ДОН КИХОТ: Это был не обед, Санчо! Злой волшебник Фристон нарочно заколдовал предложенную нам пищу, и если бы не мое заклинание – посылай благодарение небесам, что я его вспомнил – то не сидеть тебе со мной сейчас в этой колеснице.

САНЧО: Будь по-вашему, сеньор, и все-таки мне все еще не по себе от побоев, доставшихся нам в аэропорту. Ну зачем вы набросились на декоративного рыцаря?

ДОН КИХОТ: Я, признаться, принял эту статую за рыцаря Рейнальдоса де Монтальбана, похитившего золотой идол Магомета.

САНЧО: Как хорошо, что вы меня успокоили. А то я было подумал, что вы занимаетесь вандализмом.

КЛЮЧНИЦА: Итак, мы приближаемся к Площади Испании. Работа над памятником Сервантесу велась достаточно долго, и окончательно открыт он был только 13 октября 1929 года. Сложная композиция памятника включает в себя фигуру Сервантеса, сидящего у основания, и два бронзовых изваяния его самых известных персонажей: Дона Кихота Ламанчского и Санчо Пансы, восседающих соответственно, на старой кляче и ишаке.

ДОН КИХОТ: Смотри, Санчо, этого не может быть!

КЛЮЧНИЦА: Вершину стелы украшает глобус с пятью континентами, как аллегория распространения испанского языка по всему миру. Также заметны статуи Реальности и Вымысла – по одной из версий они символизируют Дульсинею Тобосскую, какая она была в реальной жизни, и какой представлялась в мечтах Рыцаря Печального Образа.

САНЧО: Мне кажется, тут одно из двух: либо вы, сеньор, настолько известны и популярны, что вам уже поставили памятник...

ДОН КИХОТ: Но тогда причем здесь Сервантес и две Дульсинеи?

САНЧО: Либо вы уже умерли, ведь памятник воздвигают в память о ком-нибудь.

ДОН КИХОТ: Но я-то еще жив и существую, так сказать, материально...

КЛЮЧНИЦА: Бедный идалго Алонсо Кихано, воображивший себя странствующим рыцарем, говорит в романе: «истории вымышленные только тогда и хороши и увлекательны, когда они правдоподобны, истории же, имеющие своим предметом происшествия истинные, тогда только и хороши, когда они правдивы».

САНЧО: Интересно, сеньор, ваша жизнь является вымышленной, но правдоподобной, или она истинна и настолько правдива, что легла в основу этого памятника?

ДОН КИХОТ: Да, недаром говорится – сядь на свое место, и тебя не заставят вставать. *(обращается к Ключнице)* Извините, но вообще-то это я являюсь странствующим рыцарем Дон Кихотом Ламанческим, а это мой оруженосец Санчо Панса. Откуда же кому-то стало известно о наших приключениях? И что значит наличие этих двух Дульсиной, не имеющих никакого сходства с настоящей Дульсиной?

САНЧО: И смотрите – я совсем на себя не похож в этом памятнике. Я тут какой-то мелкий.

КЛЮЧНИЦА: К сожалению, мы должны двигаться дальше, и через 20 минут мы сделаем следующую остановку, а пока я вам расскажу о других выдающихся испанцах в литературе, живописи, музыке и так далее. Пройдемте за мной.

ДОН КИХОТ (у него помутняется рассудок): Знаете что, ваша милость, потолкуйте лучше с вашей прирученной куропаткой и забиякой-хорьком и не мешайте другим делать свое дело. Мне же надлежит здесь исполнить свой долг. Прочь отсюда, злобные волшебники! Прочь отсюда, колдовской сброд! Я – Дон Кихот Ламанческий, и против меня тщетны и бессильны все ваши злые умыслы. Дайте мне грудь с грудью сразиться с этим демоном, с этим колдуном, я покажу ему, кто я такой! *(Дон Кихот бросается на памятник. Свет гаснет. Слышны звуки полицейской сирены.)*

2. В ресторане.

САНЧО: Сеньор, боюсь, что это наше путешествие будет опаснее ветряных мельниц. Вас так и тянет к вандализму. А между тем, ни в одной, ни в другой Дульсиной, я не увидел ничего особенного.

ДОН КИХОТ: Ты видел во всей полноте ее красоту, но ее чары на тебя не распространились, потому что ты не рыцарь. Вся сила этого яда была направлена только против меня и моих глаз. И все же, Санчо, ты плохо описал ее красоту. Попробуй еще раз.

САНЧО: Ну хорошо... Ее глаза.... Словно жемчуг...

ДОН КИХОТ: Глаза вроде жемчуга бывают скорее у вареных рыб. А очи Дульсиной похожи скорее на зеленые изумруды, рассеченные пополам и осененные двумя небесными арками, служащими ей бровями. Попробуй еще.

САНЧО: Ну хорошо. Она бела, как снегопад.

ДОН КИХОТ: Неплохая метафора, Санчо. Но в этом сравнении есть что-то трупное – и белизна, и холод снегопада указывают скорее на бездушность и строгость. Еще.

САНЧО: Ее лоб – Елисейские поля...

ДОН КИХОТ: Ты делаешь успехи. Лоб ее и вправду прекрасен, не все же не столь огромен.

САНЧО: Знаете что, если теперь вы победите какого-нибудь великана или рыцаря, то велите им предстать перед красотой сеньоры Дульсиной, а потом вернуться и сообщить вам обо всем, что с ними при встрече случилось. Я уверен, что люди столь же высокого звания, как вы, передадут вам впечатления от ее красоты лучше, чем это сделаю я.

Входит Перес в виде шеф-повара и Франциска в виде официантки. Приносят блюда.

ПЕРЕС (говорит с акцентом): Я очень рад видеть в гостях таких знатных гостей. Специально для вас могу предложить наши лучшие блюда.

ФРАНЦИСКА: Por favor, esta paella vegetal, migas Andaluz, esta dorada de Espanol, gratinada con huevas, fritas escalibada Vasco, ragout de frijol de verduras y una brandada.

ДОН КИХОТ: Подожди приниматься за пищу, Санчо. Нужно сначала прочесть заклинание. И, хотя злой волшебник Фристон мог вторично не прибегать к своим гнусным намерениям, все же это нужно сделать.

САНЧО: Понимаю. Нужно для профилактики. Читайте ваше заклинание.

ДОН КИХОТ: Я – тот Мерлин, о коем повествуют,
Что породил его на свет сам дьявол
(И эта ложь с годами укрепилась).
Я – магии Владыка, утвержденье
Потайной Зороастровой науки,
Борец я против времени и сроков,
Что подвиги завистливо скрывают
Великих странствующих паладинов.
В сплетенье линий, пентаграмм и ромбов,
Доносится вдруг скорбный зов прекрасной
И дивной Дульсины из Тобосо.

ПЕРЕС: Bravo! Bravo! Я еще один раз хочу выразить вам свою благодарность и признательность. Впервые в моей трапезной я вижу поэта-романтика и поэта-декадента. Здесь были вельможи и знатные сеньоры, главнокомандующие и профессора, рыцари и прекрасные дамы. Но поэтов и трубадуров мне еще встречать не приходилось.

ДОН КИХОТ: Я очень за вас рад, но мы не поэты. Я и есть странствующий рыцарь Дон Кихот Ламанчский, а это мой оруженосец Санчо Панса.

ПЕРЕС: Да-да, поэты-трубадуры часто воспевают подвиги этого великого рыцаря, и мы подготовили для вас тематический обед. Вы отведайте блюда, а наш профессор все вам расскажет. Как знать, может быть, и вы сложите когда-нибудь балладу о Дон Кихоте.

Входит Николас в виде профессора, зажигается экран.

НИКОЛАС: Итак, бродячие сюжеты в кино. Пожалуй главным таким для Испании является сюжет Дон Кихота. Скажем сразу – Сервантесу не везло в кино. Режиссеру Кингу Видору по ряду причин не удалось снять биографический фильм о великом испанском писателе. Позднее в 1968 году такую ленту снял испанец Ферри и американец Шерман. Но они вдвоем не смогли заменить творческого потенциала Видора. Одной же из первых экранизаций стал английский фильм 1908 года «Сон Дон Кихота» – то были годы, когда экранизировалось все подряд, даже песни; так что этот фильм повествовал о мечтах Дон Кихота похитить девушку. Также неудачным был фильм, снятый на английские деньги во Франции немецким режиссером Пабстом с русским певцом Шаляпиным в главной роли. Мы не случайно слышим сейчас в его исполнении арию «Смерть Дон Кихота» из оперы Массне. Правда, фильм не имел отношения к опере, и вообще – был крайне неудачным. Катастрофа началась, когда перед самым началом съемок режиссер заявил, что сценария нет. Этот фильм, как и последующие попытки режиссеров Владо Кристи, Карло Райма и даже Орсона Уэллса нельзя признать выдающимися. Эталонной копией в Испании считается Дон Кихот режиссера Рафаэля Хилия, вышедший в 1947 году к 400-летию со дня рождения Сервантеса. Постановка была непохожа на привычные «юбилейные» фильмы – торжественно-неудачные. Она если не приблизилась к роману, то, по крайней мере, не стала и откровенным провалом, как, например, испано-немецкая версия 1967 года, или испано-мексиканская копродукция 1973 года. Примечателен также пример Луиса Бунюэля, который наделил чертами Дон Кихота женщину в своем фильме «Виридиана».

ДОН КИХОТ: Довольно! Остановитесь! Спасибо вам за обед, но я, признаться, мало что понимаю. И, честно говоря, Санчо, я забыл расколдовать это вино! Я, кажется, умираю, мне

нужен глоток Фьерабрасового бальзама. Теперь я вижу, что виноваты в наших горестях и бедах драконы, злые волшебники и беззаконники, которых сразу можно обнаружить и наказать (*теряет силы и падает*).

3. Дискотека.

АНТОНИЯ: Добро пожаловать, дорогие туристы, в наш крупный медиацентр Quijote-Palace. Сегодня в нем состоится Санчо-party. По условиям организаторов гости должны явиться в костюмах Кихотов и Дульсиной, а ведущий Санчо в конце вечера выберет лучшего рыцаря по итогам череды конкурсов. (*Все персонажи в костюмах Дон Кихота и Дульсины. Танцуют под популярную музыку.*)

ДОН КИХОТ: Ты понимаешь, Санчо, где мы находимся?

САНЧО: Не волнуйтесь, сеньор, мы прибыли в замок. Подождите, сейчас выйдет карлик, протрубит, спустят подъемный мост, и мы войдем.

ДОН КИХОТ: Нет, Санчо. Посмотри вокруг себя. Эти люди нарочно пытаются свести меня с ума. Они хотят доказать мне, что меня не существует на свете. Они сталкивают меня с моими тенями из прошлого, чтобы вывести из равновесия и вызвать во мне патологическое раздвоение личности.

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад...

(*Вскакивает на сцену – танцплощадку*) Послушайте меня, сеньоры.

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, –
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.
Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

Так вот и я вам скажу – чего вы ищете? К чему весь этот маскарад? Вы же выберете лучшим рыцарем самого трусливого, при этом самого болтливого. Его принцессой станет женщина, считающая, что жена есть товар, который можно купить, а после возвратить обратно или же заменить другим. В круговороте нашей жизни вы все, как в комедии – одни играют роль императоров, другие – пап. Но ведь когда наступает развязка, то есть когда жизнь кончается, смерть у всех отбирает костюмы. Так что не ударяйтесь в скоморошество, не зная меры в острологии. Обуздайте свой язык и свой разум. Перед вами единственный и последний странствующий рыцарь Железного века – Рыцарь Печального Образа Дон Кихот Ламанчский. А вы... Только сейчас я понял, что я попал на постоянный двор. Я был в заблуждении, полагая, что нахожусь в замке. Здесь нужно платить за ночлег, за корм, за вино и за все остальное. Но с рыцарей никто и никогда не смел требовать платы. Таков устав ордена. Прощайте, сеньоры. Я должен отправиться в погоню за моими врагами. Санчо, за мной!

XV. ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬНОСТЬ.

ДУЛЬСИНЕЯ: Когда мне было 19 лет, я начала работать промоутером. Я рекламировала и рекомендовала в супермаркетах, какие лучше покупать подгузники, творожки и крема для рук; предлагала дегустировать колу, водку, пиво. С пивом вышло недоразумение – у нас проходила

акция – собери пять крышек и получи что-нибудь ненужное. Оказалось, что у нас люди очень любят пиво, и пьют его много-много, вдоволь. А тут еще акция! И они стали приезжать! Из самых дальних концов города стали приезжать за этими самыми блокнотиками, брелками, ручками и прочей ерундой, которая у нас валялась в коробках. И тогда я поняла, что наша конвертируемая валюта – это не курица-гриль, и не голубцы, и не проездной билет на общественном транспорте, а именно бутылка пива!... Ну а потом одна женщина, директор салона красоты, произнесла эту магическую фразу: хватит заниматься ерундой, давай деньги зарабатывать. Приходи работать косметологом. Только нужно учиться. И я пошла учиться наращивать ресницы. Первый раз я их наращивала 6 часов. Каждую ресничку отдельно берешь пинцетиком, макаешь в клей, другим пинцетиком раздвигаешь соседние реснички и наращиваешь. 60 ресничек на каждый глаз. Такой вот начался ресничный бизнес, которого, конечно же не хватает, чтобы жить как следует, поэтому смену-через-три я подрабатываю здесь.

QUIJOTE (входит): Oh princesa Dulcinea, mucho agravio me habedes fecho en despedirme y reprocarme con el riguroso afinamiento de mandarme no parecer ante la vuestra fermosura.

ДУЛЬСИНЕЯ: Что это с вами, доктор?

QUIJOTE: Решил подучить испанский. La lengua espanola es pura como el oro y Sonora como la plata, что значит – испанский язык чист как золото и звонок как серебро!

ДУЛЬСИНЕЯ: Вы, как всегда, изобретательны, и найдете, чем занять заскучавший персонал в ночное время.

QUIJOTE: Нет-нет, это скорее ваше изобретение, или вашего, так сказать, друга Дон Кихота. Я прочел вам строки оригинала, в которых он говорит: О принцеса Дульсинея, все такое, горько обидели вы меня тем, что, осыпав упреками, изгнали меня и так далее...

ДУЛЬСИНЕЯ: Я понимаю, к чему вы клоните, доктор... И я вам скажу свое мнение – я считаю, что его надо перевести из наблюдательной палаты в общую. Он, конечно, шизофреник, но, строго говоря, это не раздвоение личности, он считает себя Дон Кихотом и не ощущает никаких противоречий с окружающей действительностью.

QUIJOTE: А я был бы категорически против. Нам и так достаточно всех его безумных родственников – почти столь же безумных, как и он сам. Они, конечно, платят за его содержание здесь, но посмотри, как им самим доставляет радость поддерживать его фантазии. Им нравится подыгрывать ему, они чувствуют в этом и свою реализацию.

ДУЛЬСИНЕЯ: Да, я пару раз мельком их видела. Согласитесь, они действительно похожи на тех, кого так старательно изображают. Сейчас даже повезли его в Испанию под свою ответственность.

QUIJOTE: И то неплохо, мы хотя бы передохнем... Но, кстати, это была не их идея, чтоб ты знала, а доцента Самсонова. Он, как ни странно, закончил магистратуру именно в Испании – в Саламанке – и практикует свои инновационные методы лечения. Посмотрим, что из этого выйдет, но, на мой взгляд, толку мало.

ДУЛЬСИНЕЯ: И все-таки, как насчет перевода в общую палату?

QUIJOTE: Повторяю, я против! И зачем тебе это? Я понимаю, лестно, конечно, что именно тебя он выбрал Дульсинеей, единственную из всех постовых медсестер! Но что дальше? Тебе будет скучно, ты будешь, как и другие, брать себе на ночь психа поговорить... А тогда почему бы не взять его? Почему бы не поговорить с ним о литературе? А он тебе процитирует что-нибудь на латыни, или – как я сейчас – по-испански, ты рассташь, потеряешь голову и влюбишься... А, может быть, совсем потеряешь голову, и окажетесь вы вдвоем в наблюдательной палате... И будете лежать там долго и счастливо!

ДУЛЬСИНЕЯ: Я вас понимаю, доктор, хоть мне и жаль и его, и себя, и вас, в конце концов... У нас так много разных диагнозов и рецептов, лечебных программ и профилактических методик, а как только мы переступаем черту из больного состояния в здоровое, так тут же и ни одного рецепта на эту здоровую жизнь найти не можем.

QUIJOTE: Да, а среди душевнобольных часто встречаются поэты, артисты, художники, музыканты... Причем, как говорит великий Ламброзо, благодаря своему более живому воображению и быстрой ассоциации идей, сумасшедшие часто выполняют с большой легкостью то, что затрудняет даровитейших здоровых, нормальных людей... Но что, если твой Дон Кихот полностью вылечится, и нам придется его выписать?

ДУЛЬСИНЕЯ: Вы имеете в виду, буду ли я рада? То есть, это, конечно, было бы очень хорошо... Это наш долг... Хотя, конечно, мне такой исход событий в голову не приходил...

QUIJOTE: Ну хорошо, сестра, иди... Продолжим этот разговор когда-нибудь. А вообще, иногда ведь сумасшедшие создают и чрезвычайно полезные вещи. Например, один помешавшийся чиновник придумал и сделал модель кровати для беснующихся больных. Меланхолик, страдавший манией убийства и самоубийства, устроил себе из костей, оставшихся от обеда, нож и вилку, что было очень полезно, так как ему запрещено было давать металлические нож и вилку. Другой мегаломаньяк, лечившийся в больнице, приготавливал там превосходную сладкую водку. Пятидесятилетняя женщина, страдавшая припадками бешенства, сшила громадный ночной чепчик в виде шлема. И так далее... Так что и вы, дамы и господа, походите немного, погуляйте, развейтесь, подумайте, может быть, и вам что-нибудь путное придет в голову... Seriously говоря, походите...

Конец первого акта.

II АКТ.

XVI. ПОДОБНОЕ ЛЕЧИТСЯ ПОДОБНЫМ.

САМСОН: Что же, друзья! Что же делать нам теперь? Мудрость недаром говорит, что подобное лечится подобным! Мы заблуждались, говоря о сеньоре Кихано как о безумце! Мы имели прецедент непозволительного ребячества. Сеньора Антония, в слове прецедент три буквы «е» и одна буква «н» – предпоследняя.

КЛЮЧНИЦА: Я предлагаю устроить мозговой штурм – так сказать, обменяться идеями.

САМСОН: Мы выслушаем все предложения, сеньора Ключница, после моих интеллектуальных тезисов. Но для начала я попрошу вас всех закончить одну и ту же фразу: «Человек – это то...»

ФРАНЦИСКА: Что он говорит.

ПРОСПЕРО: Что он ест.

НИКОЛАС: Что он пьет.

ПЕРЕС: Что он читает.

АНТОНИЯ: Во что он одет.

КЛЮЧНИЦА: Что он думает.

САМСОН: Да, и что он о себе думает в том числе. Значит, человек – это то, во что он верит. И тут мы вплотную подходим к мифологической формуле, что миф – есть в словах данная чудесная личностная история, во многом более реалистичная для субъекта, чем сама реальность. Бессмысленно переубеждать влюбленного человека, сторонника определенного политического режима, болельщика определенной спортивной команды, любителя определенного музыкального стиля. Это все мифы, в которые люди верят! И Дон Кихот – это тоже миф! Мы не можем противостоять ему, нам остается только в него поверить. Итак, к чему привели нас наши инновационные исследования?

АНТОНИЯ: Human design, анализом которого мы занялись с сеньорой Ключницей, показал, что сеньор Кихано – генератор. Он является энергетическим сервером, базой, которая питает других людей.

КЛЮЧНИЦА: Об этом же говорит и его натальная карта. Он откликается, не умея правильно распределять свои собственные ресурсы.

АНТОНИЯ: Его ложное «я» – фрустрация. Но зато, если сказать: «ты, и только ты сможешь нам помочь», – то он будет очень рад!

САМСОН: Спасибо большое!

КЛЮЧНИЦА: У нас еще, это самое, – нумерология! Она подтверждает, дополняет и развивает те же мысли...

САМСОН: Спасибо еще раз, достаточно! Кто следующий?

ПЕРЕС: Ну что же, мы с сеньором Николасом воспользовались знаменитыми леммами ньютоновской механики и заключили следующее:

НИКОЛАС: Первая лемма Дон Кихота являет собой антиномическое утверждение: увеличение общей массы Дон Кихота и Санчо Пансо прямо пропорционально уменьшению общей массы Россинанта и осла, но при этом динамики их изменений обратно пропорциональны друг другу.

ПЕРЕС: Вторая лемма переосмысляет второй закон Ньютона: в инерционной системе отсчета, вид которой принимает энергия заблуждения Дон Кихота, ускорение, которое получает его мысль прямо пропорционально равнодействующей всех сил, приложенных к мысли Санчо Панса и обратно пропорционально энергии заблуждения последнего.

НИКОЛАС: Третья лемма пропитана постмодернистской иронией и деконструкцией, и потому будет выражена в жанре частушки:

Дон Кихот приложит силу
Санчо Панса подобрей

Дон Кихот сведет в могилу
Санчо будет плясать на ней.

САМСОН: Спасибо за подробный и интересный отчет.

ПРОСПЕРО: Сеньор бакалавр, спросите меня.

САМСОН: Охотно, сеньор Просперо.

ПРОСПЕРО: Вот, спасибо. Дело в том, что вся линия движения и мировоззрения Дон Кихота может быть вписана в следующую схему: треугольник-квадрат-круг. Но это, пока что, как говорится, нарисовано на поверхности воды вилкой.

ФРАНЦИСКА: Ты хотел сказать – вилами на воде писано..

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да. Теперь ближе к Дону, так сказать, Кихоту. Круг для него – это стабильность. Стабильность рождает уверенность. Тогда возникает стимул движения от круга к квадрату. Это поиск нового, неизведанного. Как говорится, сначала несколько раз померяй расстояние линейкой, а только потом разрежай ножницами.

ФРАНЦИСКА: Дорогой, ты хотел сказать: семь раз отмерь, один раз отрежь.

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да. Квадрат – это страх, страх рождает проблему, тогда Кихот Дон движется к треугольнику. Это движение есть бегство от страха. К чему бежит – к треугольнику. Вот тебе, тетя, и день рождения дяди Юры.

ФРАНЦИСКА: Ты имел в виду «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Позволь, я закончу, дорогой. От треугольника-достижения Дон Кихот движется через повторение и закрепление и приобретение навыков опять к кружочку, к стабильности. И так все повторяется, но только квадратиков-проблем всегда больше, чем треугольников-достижений, а их все равно больше, чем кружочков чувства стабильности.

ПРОСПЕРО: Вот! Молодец! Вот, как говорится, голова мужа – это здорово, а голова жены – еще лучше, или муж и жена – две головы.

САМСОН: Благодарю вас всех, господа, и выскажусь сам. Согласно проведенному мною соционическому исследованию сеньор Кихано является типом индуктивно-логического экстраверта «Искатель». Он стремится изучать явления, анализируя любую проблему комплексно; быстро отказывается от бесперспективных идей, бывает непоследователен в отношении к своим родным и друзьям; он легко расходует, при этом постоянно отслеживает запас времени; владеет технологией параллельных действий, при этом не разбирается в отношениях людей к себе. Внешний вид часто неаккуратен, при этом он любит покомандовать. Итак, мы закончили слушания, переходим к дискуссии.

Далее говорят практически одновременно:

КЛЮЧНИЦА: Я, признаться, ничего не поняла про ваши, эти самые, леммы. А частушка, это вообще, так сказать, с чем это все сообразно.

ПЕРЕС: Любопытная геометрическая схема, но мне кажется, что она высосана из пальца.

НИКОЛАС: Антония, а вы можете мне по дате рождения высчитать мою нумерологию?

ФРАНЦИСКА: Сеньор Перес, как вы хорошо сказали про обратную пропорциональность и аллюзии и антиномию. Вы практически произнесли вслух мои мысли.

ПРОСПЕРО: Антония, сеньора ключница, вот давайте на вас проверим мою схему...

САМСОН (прерывая общий шум): Довольно, друзья! Миф о Дон Кихоте невозможен без подвигов и поражений. Правильно вы сказали про энергию заблуждений. Нужно дать ему возможность совершить такой подвиг, который помог бы вернуть его домой. Или дать возможность ему подвиг НЕ совершить... И довольно говорить, пора действовать!

ХVII. БАЛЬЗАМ НА ДУШУ.

ДОН КИХОТ: Ну что же, сеньоры. А сейчас мы приступим к изготовлению Фьерабрасового бальзама, который поможет залечить раны и укрепить душу. Как говорится, жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не ошибиться в рецептах.

САНЧО: Знаете, сеньор, это мне напоминает одну старую присказку, что грибы можно есть все, но некоторые только один раз...

ДОН КИХОТ: Итак, возьмем большое вместилище...

САНЧО: Так, кастрюля нужна!

КЛЮЧНИЦА: Сейчас принесу.

ДОН КИХОТ: Влейте в нее пять бутылок сладкого красного вина...

САНЧО: Пять бутылок портвейна будьте добры.

САМСОН: Сеньор Николас, сеньор Перес, у вас, кажется, как раз стоит ящик, пойдете, я помогу вам его принести.

ДОН КИХОТ: Положите туда пригоршню тертого чеснока...

ФРАНЦИСКА: Это что же такое будет?

ПРОСПЕРО: Это они для бальзама. Глядишь – поможет. Тебе, может быть, конечно, уже ничего не поможет, конечно. Как говорится – не корми лошадь.

ФРАНЦИСКА: Ты видимо имел в виду – не в коня корм.

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да.

АНТОНИЯ: Так что же дальше? Я записываю рецепт.

ДОН КИХОТ: Соли щепоток четыре или пять. Больших.

САНЧО: Пять столовых ложек соли.

ДОН КИХОТ: Щепотку красного перцу... Желудей тертых горсть, уксусу, три бутылки лампадного масла и маленькую ложечку купоросного масла.

ПРОСПЕРО: Все правильно. Я этот бальзам знаю. Пойдем за маслом.

КЛЮЧНИЦА: Вот кастрюля.

ПЕРЕС и САМСОН: Вот пять бутылок портвейна.

АНТОНИЯ: Вот соль и уксус и красный перец.

САНЧО: Вот желуди, я их собираю. И каштаны, кстати, тоже собираю – если кому понадобятся для какого-нибудь бальзама – обращайтесь.

ПРОСПЕРО: Вот масло.

ДОН КИХОТ: Все хорошенько размешать и подогреть на огне.

САНЧО: Ну что же вы медлите? Вам же сказано Рыцарем Печального Образа – размешать и подогреть на огне! А ну живо приступайте! *(Все безукоснительно подчиняются и уходят.)*

ДОН КИХОТ: Ты молодец, Санчо, что взял командование в свои руки. Ведь мне ни в коем случае не следует не только поднимать меч, но и повышать голос на людей, не принадлежащих к рыцарскому званию.

САНЧО: А я, хоть я и человек миролюбивый, но люблю порядок, поэтому даже если моя жена утром рассусоливает, то я ей так и говорю – а ну марш готовить завтрак, живо!

Появляется Николас в виде известного кинорежиссера. Лицо и голос необязательно должны быть узнаваемыми, но главное – его самоуверенность и всезнание.

НИКОЛАС: О, как вы хорошо это произнесли! А можете еще раз?

САНЧО: Что еще раз? А ну марш готовить завтрак! – Это что ли?

НИКОЛАС: Какая фактура – очень хорошо! А теперь можете сказать в приказном тоне – Говори кратко, проси мало, уходи борзо!

САНЧО: Говори кратко! Проси мало! Уходи... как там?

НИКОЛАС: Борзо, но это уже и не так важно. А вот попробуйте еще такую фразу *(дает ему бумажку с текстом и надевает элемент костюма губернатора)*.

САНЧО: Ну хорошо. Указую боярам в Думе говорить по ненаписанному, чтобы дурь каждого видна была.

НИКОЛАС: Превосходно!

ДОН КИХОТ: Санчо, ты же говорил, что не умеешь читать!

САНЧО: Я говорил, что не пользуюсь этим умением.

НИКОЛАС: Простите, уважаемый... Санчо! А сколько вы весите?

САНЧО (смутившись): Двухсот нет...

НИКОЛАС: Очень хорошо! (*Возвращаются все с бокалами «фьеробрасового бальзама».*)

ПРОСПЕРО: Вот, сеньор Дон Кихот, отведайте. Все по рецепту!

ДОН КИХОТ: Только вместе с вами, о сеньоры. Поднимем бокалы и сдвинем их разом! Да здравствует сердце, и воля, и разум!

КЛЮЧНИЦА: Подождите, это самое, а за что, как говорится, мы пьем?

НИКОЛАС: А я вам скажу, за что... Я давно ищу кого-нибудь, кто мог бы стать губернатором в моем проекте. Если кто меня не знает – вот моя карточка (*раздает всем карточки*). Баратария – рабочее название проекта, в котором я хочу проследить диалектику души человека, стоящего у власти (масштаб этой власти не имеет значения)... Разумеется, проект в нескольких частях. Вот уже несколько месяцев я ищу нужную внешность самодержца, нужную интонацию – одним словом, я ищу человека, и я, кажется, его нашел! Это вы, Санчо! Так что давайте выпьем за вас. (*Все выпивают.*)

АНТОНИЯ: Похоже на вишневым лимонад. (*Все шикают на Антонию.*)

ДОН КИХОТ (пошатываясь от выпитого): Нет-нет, ничего, только чеснока многовато... Следующий раз нужно класть меньше. Но в целом вкус верный. Но что-то у меня рябит в глазах... Правильно ли я понял, Санчо, что ты только что стал губернатором?

САНЧО: Да я ничего особенного и не делал...

ДОН КИХОТ: А вы... вы же сеньор герцог, не так ли?

НИКОЛАС (в замешательстве): Ну да, можно и так сказать.

ДОН КИХОТ: В таком случае, ваша светлость, вы подтверждаете догадки моего слуха, что только что вы произвели моего оруженосца Санчо Панса в губернаторы острова Баратария, входящего в ваши владения?

НИКОЛАС: О да, многоуважаемый сеньор рыцарь, и я хочу выразить вам свою признательность, т.к. в вашем оруженосце явно проступают следы вашего воспитания. Ну что же, отправляйтесь, Санчо, на остров, жители которого ждут вас, как майского дождя.

ДОН КИХОТ: Дайте мне еще бальзама. И разрешите мне, ваша светлость, сделать ему пару наставлений, чтобы в новом высоком положении он мог бы уберечься от ложных шагов.

НИКОЛАС: Это очень хорошая мысль, сеньор. Мы удаляемся и оставляем вас наедине.

XVIII. СОВЕТЫ НА ПРОЩАНИЕ.

САНЧО: Ваши советы мне ни к чему, так как я только хочу помочь почтенным сеньорам.

ДОН КИХОТ: Поверь мне, Санчо, ты еще неосведомлен в тайнах бытия, а эта наша встреча, быть может, суть последняя встреча, а путь твой долог и полон и замыслов, и грез, и усилий, но в то же время и разочарований, падений, трудностей, et cetera, et cetera.

САНЧО: Чего с утра? Я, признаться, стал плохо вас понимать, сеньор.

ДОН КИХОТ: Ты должен понять главное – в определенный момент своей жизни человек начинает «ведать, что творит», и блаженным быть уже не может. Полное сознание подвигает его на единственные поступки, логическая связь которых если хоть раз будет нарушена, это будет означать духовную гибель.

САНЧО: Знаете что, сеньор? Как говорит моя жена Хуана Тереса, я вам не пятно, чтобы меня выводить.

ДОН КИХОТ: Просто, Санчо, ты внезапно получил то, для чего иной тратит невероятные усилия и, гонимый честолюбием или алчностью, прибегает ко всяким, порой нечистым средствам... А ты – посмотри на себя! Чем ты лучше других. Ты по сравнению с другими и не более значительный, и не более заметный, в тебе, можно сказать, нет той весомости, которая бы делала твою правоту безоговорочной. Но между тем, ты уже надулся, как лягушка, и уже, можно сказать, ступил на путь грешника и негодяя! Да-да! Я уже вижу, как ты отыскал себе в сумрачном лесу ветку распутства, сидишь на ней и чирикаешь!

САНЧО: Зря вы, сеньор, так говорите обо мне, моя натура миролюбива и покладиста, тиха и кротка, послушна и добродушна! Я не перечу старшим, не чиню козни, не выкрутасничаю, как мальчишка, перед досужим людом! Я, можно сказать, такой же рыцарь, как и вы, сеньор! Только рыцарь без меча. Без меча и кулача!

ДОН КИХОТ: И все же я должен тебя предостеречь: ты ступаешь на путь восхождения. На этом пути у тебя будут встречаться соблазны! Поэтому помни, что в минуту выбора все еще находится в твоих руках. Совершив выбор, не ропщи на судьбу и с благодарностью принимай все, что она тебе посылает. Не болтай лишнего и не привирай, и не приукрашай действительность. Простолюдины могут впоследствии неточные твои формулировки вменить тебе в вину, инкриминировать оскорбление чьих-то чувств. Помни, что кроме хлеба и вина существует еще пища духовная, кроме праздности и веселья существует еще просветление, которое дарят человеку достижения его пытливого ума. Если ты исполнишь эти мои советы, ты будешь счастлив в новом положении. Ты понял меня?

САНЧО: Не тревожьте больше свою душу, сеньор, я вас понял.

ДОН КИХОТ: Ну что же, давай попрощаемся. Мы больше с тобой не увидимся, дороги наши разошлись.

САНЧО: Эх, сударь!

ДОН КИХОТ: Чего ты вздыхаешь?

САНЧО: Я думаю о том, как это вы теперь будете без меня. Мне вас жалко. Все-таки рыцарь без оруженосца...

ДОН КИХОТ: Если ты не против, в качестве оруженосца я найду себе кого-нибудь другого.

САНЧО: Я-то не против, но не всякий же с вами пойдет. Знаете что, сеньор, – вы ему тоже посулите стать губернатором острова.

ДОН КИХОТ: Неплохая идея, Санчо. Нужно признать, что ты почерпнул незначительную часть моей мудрости.

САНЧО: Да, сеньор, и позвольте мне тоже на прощанье дать вам несколько наставлений. Во-первых, у меня есть предчувствие, что вас будут бить. Поэтому вы запомните, что если такое будет случаться – берегите в первую очередь голову. Ведь ваша голова – она как арбуз, в ней столько всего понапихано. И если по ней ударить, то мысли-семечки выскочат и назад их уже не вернуть. Что еще, сударь? Вот – не колобродьте вы по ночам, от этого повышается давление! Вот днем – пожалуйста, днем – сколько угодно. А ночью вы лучше отдыхайте, набирайтесь новых сил для подвигов. Что еще? Ах да! Не увлекайтесь вы этими вашими Фьеробрасовыми коктейлями. А лучше вообще их не употребляйте! Потому что если вас не прикончат в бою, то наверняка вас прикончит этот бальзам. Ну вот и все – будьте счастливы! А я о вас буду очень скучать.

ДОН КИХОТ: Спасибо тебе! А теперь прощай!

ХІХ. ПЕТЛЯ ГИСТЕРЕЗИСА.

САМСОН: Что же вы будете делать теперь, сеньор Рыцарь?

ДОН КИХОТ: То же, что и раньше. Не все рыцари могут состоять при дворе, и не все придворные должны быть странствующими рыцарями; в жизни требуются и те, и другие.

САМСОН: Значит, вы вновь отправитесь в путь, сеньор?

ДОН КИХОТ: Да, мой друг, во имя возлюбленной моей Дульсиныи Тобосской!

САМСОН: Да, я просто думаю о том, что будет теперь с монадной конструкцией «наивный-искушенный», которая находится на 21-ой позиции в списке тридцати наиболее типичных монад (в порядке убывания распространенности)?

ДОН КИХОТ (озадачен): А что с ней будет? С монадной конструкцией?

САМСОН: Ведь если Лейбниц говорит о монадах как об устоявшихся субстанциях, «не имеющих окон», то тогда между изменениями в одной монаде и изменениями в другой существует «предустановленная гармония». Следовательно, если Санчо Панса в отрыве от Дон Кихота остается его оруженосцем – то все хорошо – он подчиняется господствующей для него монаде. Но если вдруг он выбирает другой – не рыцарский – путь, то «предустановленная гармония» господствующей монады ведет себя скорее по законам, описанным Жилем Делезом – то есть по принципу гистерезиса.

ДОН КИХОТ: Любезный сеньор бакалавр, а что за человек этот Делез?

САМСОН: Да-да, смотрите, если вы сами спрашиваете вместо того, чтобы по обыкновению своему отвечать на вопросы, то в конструкции «наивный-искушенный» вы сами становитесь наивным, сударь! Вы ведете себя в рамках петли гистерезиса!

ДОН КИХОТ: Мои идеалы возвышены, как и прежде, рассудок трезв и мысли благородны!

САМСОН: Как бы не так! Гистерезис являет собой особое свойство систем, мгновенный отклик которых на приложенные к ним воздействия зависит от их текущего состояния, а поведение системы – от ее предыстории. Иными словами, если вы постоянный магнит – вас нельзя сразу взять и размагнитить, но при переменном изменении магнитного поля...

ДОН КИХОТ: Вы знаете, я не силен в магнитных полях...

САМСОН: Вот! Вы признаете свое невежество, чего раньше быть не могло! Вы теряете свои магнитные свойства! Ну конечно! В биологии система «хищник-жертва» обладает гистерезисом или запаздыванием численного отклика хищника.

ДОН КИХОТ: Я очень рад вашему прозрению, Самсон! Но я отправляюсь в путь, и никакой гистерезис меня не остановит! Если какой-нибудь рыцарь попадает в опасное положение, то спасти его может только другой рыцарь. Рыцарю поможет только рыцарь, даже если они по отношению друг к другу суть явления лонгинквальные.

САМСОН: Простите, какие явления? Что значит логикальные?

ДОН КИХОТ: Лонгинквальные – значит отдаленнейшие. И не удивительно, что вы этого слова не поняли: вы ведь не обязаны знать латынь; а есть немало людей, утверждающих, что понимают по-латыни, а на самом деле ничего в ней не смыслят.

САМСОН: Сеньор Дон Кихот! А ведь если вам поможет только рыцарь, то и помешать вам сможет, скорее всего, тоже – только рыцарь! Скажите, а что, если судьба будет к вам неблагоприятна, и кто-нибудь из ваших противников победит вас?

ДОН КИХОТ: Что же, если я буду повергнут в поединке, то я приму условия моего противника точно так же, как и он примет мои в случае моей победы.

САМСОН: Что же, немедленно поезжайте! Я желаю вам удачи! И помните, что если вы хотите убедить кого-то в идее рыцарства, используйте проверенные средства – партии, общественные организации, телевидение! Еще раз удачи вам!

XX. MEMORIAL.

1. Дульсиныя устраивается на работу.

QUIJOTE: Почему ты решила пойти к нам работать?

ДУЛЬСИНЕЯ: У меня нет другого выхода.

QUIJOTE: А где ты живешь?

ДУЛЬСИНЕЯ: Раньше жила в общежитии, но сейчас снимаю комнату.

QUIJOTE: Ты одна живешь?

ДУЛЬСИНЕЯ: Да, одна.

QUIJOTE: И у тебя никого нет?

ДУЛЬСИНЕЯ: Нет.

QUIJOTE: Тогда тебе будет тяжело. Особенно первое время.

ДУЛЬСИНЕЯ: Что поделать?

QUIJOTE: Тогда считаю нужным оговорить особо, что циклодол в свободном порядке не только не выдается пациентам, но и не употребляется медсестрами.

ДУЛЬСИНЕЯ: Я вас поняла, доктор, можете об этом не беспокоиться.

QUIJOTE: И это относится также к аминазину и галоперидолу.

2. Санчо играет Петра I.

САНЧО: Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь город будет заложен
Назло надменному соседу,
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море,
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе!

Николас делает небольшие замечания, но в целом он в восторге.

3. Дон Кихот вышел на митинг и скандирует лозунги.

ДОН КИХОТ: Естественное право художника – честно выражать свои взгляды на действительность! Единственный суд для художника – суд истории. За свободу творчества! Мы против всех жуликов! Не торгуйте совестью! Нас много! Молчать и ждать больше нельзя! Мы против увеличения дорожного налога! Верните честные выборы. Сэкономите на образовании – разоритесь на тюрьмах! Хватит жертв! Мы требуем пересчета голосов! Верните снежную зиму! Нашим детям здесь расти! Антинародный режим – в отставку. Мы будем приходить, пока они не уйдут. Наша сила в единстве. И мы не оппозиция – мы ваши работодатели, и мы не протестуем – мы вас увольняем!

ПРОСПЕРО: Старик, ты все правильно кричишь! Будешь чай? Только что сам-то ты сделал для страны? Где ты был, когда я вот этими руками держал плакаты 10 лет назад? Да ты живешь в своем убогом мирке, и дальше того, чтобы выйти на площадь у тебя фантазии не хватает! Иди и получи билет, вступи в организацию! Таким как ты, здесь не место – тем, кто не знает, что говорить и что делать! Иди отсюда и не мешай мне выполнять свой гражданский долг и выражать мою гражданскую позицию, которая у тебя отсутствует!

4. Проходит мимо Quijote, что-то записывая в книжечку.

QUIJOTE: Люди даже разучились понимать, что у кого-то может помутиться разум. О помешанном у нас уже и думают, и говорят, что, видно, разум-то он потерял по расчету, а стало быть, вполне благоразумно.

5. Самсон и Ключница.

САМСОН: Сеньора Ключница!

КЛЮЧНИЦА: Самсон, ну хватит тут интриговать, это самое, вы тоже, в конце концов, уже надоели. Ходите тут, понимаете ли, всех подговариваете тайком...

САМСОН: Сеньора Ключница, дело в том, что сеньора Антония...

КЛЮЧНИЦА: Я вас слушаю, Самсон...

САМСОН: Сеньора Антония сказала мне одну вещь, и мне нужен ваш совет...

КЛЮЧНИЦА: Совет вам да любовь с сеньорой Антонией.

САМСОН: Я не об этом.

КЛЮЧНИЦА: А я об этом. И больше никуда меня не вовлекайте!

САМСОН: Примерно такие же слова вы должны сказать сеньору Кихано, и в этом весь мой замысел. Потому как, если вы выполните мою просьбу, то мне удастся вернуть сеньора Кихано к нормальной жизни; и тогда сеньора Антония будет моей. Вы меня понимаете?

КЛЮЧНИЦА: Я согласна, я готова! Говорите – что делать? Где? Когда?

6. Санчо играет Герасима и остервенело, со слезами на глазах, топит Муму, под радостные и восторженные возгласы режиссера Николаса.

7. Дон Кихот и Антония.

АНТОНИЯ: Сеньор Печальный Рыцарь Дон Кихот, помогите мне достать котенка с верха. Он туда залез и боится слезть, а я не достаю.

ДОН КИХОТ: Я охотно помогу вам, Антония, где он?

АНТОНИЯ: Вон он там, его зовут Ричард.

ДОН КИХОТ: В честь рыцаря Ричарда Львиное Сердце?

АНТОНИЯ: Да-да, ну давайте... *(Дон Кихот пытается достать котенка, но ему не хватает роста.)* А хотите – подымите меня, я сама достану. *(Дон Кихот пытается поднять Антонию, но ему не хватает сил.)* Ну или сами заберитесь ко мне на плечи, я вас выдержу. *(Дон Кихот неловко пытается забраться на Антонию, но у него ничего не получается, и к тому же он боится высоты.)* Ну ладно, видимо, рыцарь в этом деле не помощник. Пойду лучше позову сеньора Просперо с лестницей.

8. Проходит Quijote, что-то вычитывая из книжечки и размышляя на ходу.

QUIJOTE: Стыдно, что мне не раз случалось создавать вымышленных героев, выдумывать романских персонажей, в чьи уста можно было бы вложить то, чего от себя я говорить не решался, – и вот они словно в шутку высказали то, к чему я отношусь более, чем серьезно.

9. Дульсинея сдает отчет главному врачу.

ДУЛЬСИНЕЯ: Пациенты из третьей палаты спокойны, на свое имя отзываются. На вопросы отвечают четко. Зрачки в норме. Со слов больных галлюцинаций не было. Происшествий во время смены не случилось.

QUIJOTE: Спасибо, сестра, можете быть свободны.

10. Самсон и Перес.

САМСОН: Сеньор Перес, нам нужны ваши связи.

ПЕРЕС: Какие угодно, сеньор бакалавр.

САМСОН: Вы, кажется, неплохо разбираетесь в литературе...

ПЕРЕС: И да, и нет. Я, конечно, люблю читать, но в моей библиотеке книги подобраны скорее по цвету обложек, чем по содержанию...

САМСОН: Это черта всех уравновешенных людей. Но я не об этом... Вы смогли бы задать сеньору Кихано несколько вопросов?

ПЕРЕС: Конечно, смог бы. Но при чем тут мои связи?

САМСОН: А притом, что сделать это нужно публично. Или как будто публично.

ПЕРЕС: Тогда у меня, кажется, есть идея. Пойдемте.

11. Санчо снимается в роли Короля Лира, Николас играет Шута.

САНЧО: Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!

Лей, дождь, как из ведра и затопи
Верхушки флюгеров и колоколен!
Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,
Деревья расщепляющие, жгите
Мою седую голову! Ты, гром,
В лепешку сплюсни выпуклость Вселенной
И в прах развеи прообразы вещей
И семена людей неблагодарных.

НИКОЛАС: Вернемся, дяденька, назад и попросим у твоих дочерей отпущения грехов. Такая ночь не разбирает ни дураков, ни умных.

12. Самсон, Просперо, Франциска.

САМСОН: Осталось немного, господа.

ПРОСПЕРО: Сеньор бакалавр, мы к вашим одолжениям.

ФРАНЦИСКА: Ты хотел сказать – мы к вашим услугам.

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да. Мы готовы продолжить вести подпольную деятельность против предотвращения процессов разложения в обществе.

ФРАНЦИСКА: Ты хотел сказать – деятельность ДЛЯ предотвращения.

САМСОН: Неважно, я вас понял! Мне нужны цитаты!

ФРАНЦИСКА: Какие цитаты?

САМСОН: Такие, чтобы заставили сеньора Кихано нервничать.

ФРАНЦИСКА: Я поняла, я смогу их найти.

ПРОСПЕРО: А что же буду делать я?

САМСОН: После того, как сеньора Франциска найдет необходимые цитаты в книгах сеньора Кихано, вы сможете согреться их знанием! Вы поняли меня?

ПРОСПЕРО: Честно говоря, нет.

САМСОН: Тогда держите спички, а там разберетесь, как можно согреться с их помощью.

13. Размышления главврача.

QUIJOTE: Будущего нет, будущего не бывает никогда. Подлинное будущее – это сегодняшний день. И весь вопрос в том, что такое мы сами в этом сегодняшнем дне.

14. Дон Кихот и Ключница.

ДОН КИХОТ: Сеньора Ключница, куда все подевались? Мне необходимо снова тронуться в путь во имя прекраснейшей из смертных...

КЛЮЧНИЦА: Дульсинеи Тобосской. Вы повторяетесь, сеньор Кихано, придумайте уже что-нибудь новенькое!

ДОН КИХОТ: Хорошо, дорогая сеньора Ключница, если вам это поможет...

КЛЮЧНИЦА: Не смейтесь надо мной, так сказать, мне ваши подвиги не помогут!

ДОН КИХОТ: Подвиги рыцаря помогают всему миру! Я уверен, что смогу вызволить и вас из беды, если вы в нее попали.

КЛЮЧНИЦА: В таком случае, быть может, вы можете мне вернуть мою юность, безвозвратно утраченную, юность, когда я была полна, можно сказать, надежд и мечтаний, как вы сейчас? Может быть, вы сможете воскресить моих родственников, которых давно уже нет, а я по ним все время, как говорится, скучаю? Может быть, вы избавите меня от воспоминаний, связанных со словами и поступками, за которые стыдно до сих пор? Может быть, сможете ответить, что еще меня в жизни ждет? В конце концов, сеньор Дон Кихот, рыцарь вы или не рыцарь, но ведь вы даже вряд ли можете мне справиться с приготовлением этого злосчастного яблочного пирога, потому что у меня уже два раза убежало тесто... Ну, что

скажете? Способны вы хоть на один из этих подвигов? Боюсь, что нет! Вот такая я вам – Прекрасная Дама!

15. Дульсинея и Quijote.

ДУЛЬСИНЕЯ: В 18.45 по местному времени поступил больной с предварительным диагнозом шизофрении. Считает себя рыцарем. Ведет борьбу с воображаемыми противниками – волшебниками. Давление повышено. Зрачки расширены. Помещен в наблюдательную палату. Сделан внутримышечно кубик аминоксина. На свое имя не отзывается, но остро реагирует на имя Дон Кихота – повторяет его неразборчиво несколько раз, потом успокаивается.

QUIJOTE: Спасибо, сестра, я возьму его под свой контроль... *(Дульсинея уходит)* А ведь не бояться попасть в комическое, смешное положение – этого качества нам недостает больше всего. Устрашать нас тем, что мы смешны – вот оно, оружие всех презренных бакалавров, цирюльников, священников, каноников и герцогов.

16. Съемочная площадка.

НИКОЛАС: Вы далеко, молодой человек?

ДОН КИХОТ: Дело в том, о любезный сеньор кастелян, что меня пригласили на публичную встречу с целью поведать миру о своих подвигах и достижениях. Я питаю надежду еще и сложить балладу так же – для широкой публики.

НИКОЛАС: Это понятно, проходите, вам на второй этаж. А тем временем, все ли готовы? Тогда начинаем пробу! *(На съемочную площадку выходит Франциска в образе Констанции.)*

ФРАНЦИСКА: Со вчерашнего дня моему сердцу нет покоя... Его украл странник... Этот обаятельный мерзавец запятнал мою репутацию и исчез во тьме. Мне стыдно смотреть в глаза Д'Артаньяна... Я решила – надо бежать...

ПРОСПЕРО (появляется в виде Д'Артаньяна): Вы разбили мне сердце! Я возьму с него плату! Но я буду более милосерден, чем вы ко мне! Его сердце будет лишь проткнуто!

ДОН КИХОТ (вмешиваясь): Нет, остановись, гнусное отродье, сейчас ты испробуешь, коварный, силу моего меча! Я требую, чтобы ты немедленно вернул свободу этой даме.

НИКОЛАС: Стоп! Кто это такой? Уберите его! Сеньор, вам же сказали – на второй этаж, у нас здесь пробы!

ДОН КИХОТ: А-а-а... Так это всего лишь игра...

НИКОЛАС: Еще дубль, пожалуйста. *(Дон Кихота уводят. Выходит растерянный Санчо Панса в костюме Партоса.)*

САНЧО: Слушайте, мое время дорого! Еще один такой дубль, и либо вы мне даете Д'Артаньяна, либо меняете Констанцию. Я уже, знаете ли, немолод, чтобы просто так Партосом прыгать тут у вас. И в художественной самодеятельности мне надоело участвовать! Готовьтесь. У меня перерыв 5 минут, и кофе мне будьте добры!

АНТОНИЯ (появляется на пути Санчо): Сеньор Санчо Панса, можно мне ваш автограф? Я ваша большая, давняя и верная поклонница. *(Санчо добреет, дает ей автограф, бесцеремонно целует ее и уходит.)*

17. Антония и Самсон.

САМСОН: Как роль свою ты верно поняла, Антония! Как развила ее! С какой силой! С каким искусством!...

АНТОНИЯ: Над собой посмейтесь! Вы заговорили стихами и стали похожи на него!

САМСОН: На кого? О нет!

АНТОНИЯ: А чего это вы смутились? Если вы уже сделали из меня Прекрасную даму, то уж мне сделать из вас рыцаря ничего не стоит!

САМСОН: Из чего нельзя сделать иного вывода, чем «все беды из-за женщин»...

АНТОНИЯ: В этих словах столько же правды, сколько было бы в моих, если бы я сказала, что у всех мужчин кривые ноги. *(Неловкая пауза. Самсон старается незаметно посмотреть на свои ноги.)* Самсон, я сказала это так – в сторону.

САМСОН: Да, но вы разве не сказали это в мою сторону?

АНТОНИЯ: Какой же вы недотепа! А все-таки, если бы я вас отправила совершать подвиги, вы бы пошли? Вы бы смогли стать рыцарем, если бы я вас об этом попросила?

САМСОН: Я пытаюсь совершить подвиг ради вас в эту самую минуту.

АНТОНИЯ: А если бы я вам отказала?

САМСОН: Тогда бы я просто убил вас... *(Неловкая пауза. Антония постепенно понимает игру Самсона.)*

АНТОНИЯ: Ну хорошо, Самсон. Допустим, все беды и вправду из-за женщин. Откуда же тогда, по-вашему, берется счастье?

САМСОН: От победы! Пойдемте со мной!

XXI. ПОЗНЕР.

ПЕРЕС: Ну что же. Ночной зефир, струит эфир. Поздно. Поздно петь серенады под окнами, сеньор Кихано. Вы так не считаете?

ДОН КИХОТ: Сеньор лецинциат, я рад вас видеть. И я так не считаю.

ПЕРЕС: А не кажется ли вам, что время странствующих рыцарей ушло?

ДОН КИХОТ: Напротив, только сейчас и наступает настоящая пора для рыцарства как для особого социального класса.

ПЕРЕС: Понимаю. Но хоть я до сих пор и не произнес, можно сказать, и двух слов, все же мне хотелось бы избавиться от одного сомнения, которое грызет и гложет мою совесть. Но для начала небольшое arporos. В госпитале в Севилье находился один сумасшедший. После нескольких лет заключения он решил, что уже здоров и просил, чтобы его выпустили. Управляющий, проведя с ним больше часа за разговором, вынужден был признать его здравомыслящим, велел вернуть ему человеческую одежду и отпустить на волю. Больной же, в виде милости, попросил разрешить ему попрощаться с товарищами – сумасшедшими. Тогда один буйно-помешанный сказал ему напоследок: это вы-то здоровы? Ну ладно, посмотрим; ступайте себе с богом, но клянусь вам Юпитером, чье величие я представляю на земле, что за один этот грех, который ныне совершает Севилья, выпуская вас из госпиталя как здорового, я покараю ее так, что в течение целых трех лет не пошлю дождя ни на город, ни на его окрестности, ни на область! И тогда, наш, уже практически бывший больным, схватил за руку управляющего и с горячностью молвил: не огорчайтесь, ваша милость, ибо если вдруг он – Юпитер – не пошлет вам дождя, то я – как Нептун, чьи интересы я представляю на Земле, как отец и бог вод, – я буду вам посылать столько дождя, сколько понадобится и когда мне это вздумается... Тут нашего больного сразу выпускать из госпиталя раздумали. Ничего вам эта история не напоминает?

ДОН КИХОТ: Мне, и пусть вам не покажется странным, эта история напоминает слова Горация: «не бывает счастья без червотчины».

ПЕРЕС: Ну хорошо. Вот вы как-то сказали: кто храбрее Амадиса Гаальского? Кто умнее Пальмерина Английского? Кто галантнее Лисуарте Греческого, непобедимее Собрино, мудрее Роланда, дерзновеннее Рейнальдо? Среди своих кумиров вы называете и рыцарей, и королей, и просто воинов, и кабальеро, и витязей, и миннезингеров, и т.д. Хотелось бы вас в связи с этим спросить: к кому вы сами-то себя причисляете, сеньор Кихано?

ДОН КИХОТ: Я уже говорил вам, кто я такой; но ведь вам нужны уточнения; а на что они вам? Когда мы покидаем этот мир, и нас закапывают в землю, то и принц, и батрак бредут одной и той же узкой тропой; для тела папы нужно столько же пядей земли, сколько и для пономаря, хотя первый куда важнее второго.

ПЕРЕС: Ладно... Попробую постучаться в другую дверь. Представьте себе человека XIX столетия – собаки, лошади, экипажи – медленный темп жизни. Затем XX век. Темп ускоряется. Жизнь коротка. Что тебе нужно? Прежде всего работа, а после работы – развлечения, а их кругом сколько угодно. Так зачем же учиться чему-нибудь, кроме как нажимать кнопки. Вы понимаете, о чем я?

ДОН КИХОТ: Сеньор Перес, не будь вы сами сельским священником, я бы просветил вас относительно того, в чем вы заблуждаетесь. Вы призываете счесть тщетными все потуги ума и пытливой памяти, вы призываете стоять у вражеского замка вместо того, чтобы брать его штурмом, срывать плоды с деревьев вместо того, чтобы возвращать новые. Но ведь если следовать за вашими идеями, то вокруг нас – светлых потворщиков всему доброму – вырастет этакая плебейская масса.

ПЕРЕС: Что же вы предлагаете, сеньор Кихано?

ДОН КИХОТ: Читать книги! И именно оттуда я взял все свои убеждения. Это ведь не сказки, это такая же часть нашей жизни. Я счастлив, что я с этим живу! Потому что, как сказал Гете, – всюду, где есть пашня, где есть ум человеческий, должна быть книга.

ПЕРЕС: Хорошо. А не считаете ли вы, что в условиях модернизации и технологического прогресса слово «интеллектуальный» может стать бранным. И наоборот – если все люди будут одинаковыми, только тогда они будут счастливы, ибо не будет великанов, рядом с которыми другие почувствуют свое ничтожество. Вы так не считаете?

ДОН КИХОТ: Мне кажется, сеньор лецинциат, что вы преувеличиваете.

ПЕРЕС: А вам разве не хочется встретиться с Воландом после прочтения «Мастера и Маргариты»? У вас не возникает к нему целого ряда вопросов? И не кажется ли он вам намного более реальным, чем Бог, и не в него ли вы начинаете верить больше после прочтения этого романа? Или возьмем «Братьев Карамазовых»... Знаете, нужно быть очень плохим человеком, чтобы так разбираться в том, какие мы плохие. И, конечно, Достоевский был очень плохим человеком, иначе бы он не смог все это понять.

ДОН КИХОТ: Дело еще в том, что не всякий может правильно понять ту или иную книгу.

ПЕРЕС: Да книга сама по себе – это заряженное оружие в доме соседа. Сжечь ее! Разрядить ружье! Почем знать, кто завтра станет очередной мишенью для начитанного человека? А?

ДОН КИХОТ: Я наконец-то раскусил вас, сеньор лецинциат! Вы полностью повторяете реплики Брандмейстера Битти из романа «451 градус по Фаренгейту»! Но помните, что в борьбе с книгами персонаж Рэя Брэдбери сам пал жертвой собственного огнемета!

ПЕРЕС: А я вам в таком случае напомню события, о которых вы, вероятно мало что знаете. А именно о сжигании всей вашей библиотеки силами сеньоры Ключницы, Антони, Франциски и сеньоров Николаса, Просперо и вашего покорного слуги.

Раздается шумомузыкальный сигнал. У Дон Кихота темнеет в глазах.

ДОН КИХОТ: Все становится ясно –
Лучше просто исчезнуть,
Исчерпать несогласное,
Воздержаться от бега по лезвию,
Не выдергивать розы из клумбы,
Не стоять в свете фар в снегопады,
Починить обувь, по утрам начать делать зарядку,
А счастья? – а счастья искать не надо!
Все становится ясно настолько,
Что к чему все монологи и пресс-конференции,
Мечты о Венеции и Флоренции
И о тех городах, где не был...

Зачем эти календарики со спаниелями,
Ежедневные ночные бдения,
И поэзия как эрозия смысла,
Как иллюзия жизни,
Как пантомима действительности...

ПЕРЕС (возвращая его к реальности): Но мы вам оставили кое-что. Например, сборник песен Лопеса Мальдонадо; дело в том, что с этим автором мы большие друзья – и в его собственном исполнении песни эти всех приводят в восторг. Кроме того, мы сохранили Амадиса Галльского в четырех частях, так как в этом есть что-то знаменательное – он написал, пожалуй, первый рыцарский роман, вышедший из печати в Испании, и от него берут начало и ведут свое происхождение все остальные. Это был Алонсо Кихано, именующий себя Рыцарем Печального Образа – Дон Кихотом Ламанчским.

XXII. ПОЕДИНОК.

Шоу «Голос». Дон Кихот поет песню.

ДОН КИХОТ: Пусть вам странен мой облик печальный -
В час сраженья, в решающий час
Я – безумец? О нет! Я нормальной,
О сеньоры, любого из вас!
Я хочу, чтобы вы усомнились
В правде вами затверженных фраз,
Я хочу, чтобы вы возмутились
Хоть на час, хоть на миг, хоть на раз.
Пусть сердца запыхают пожаром,
Озарением правда сойдет,
И тогда я поверю: недаром
Жил на свете чудак Дон Кихот.

Жюри во главе с Санчо сидит спиной и поворачивается лишь после окончания песни.

ДОН КИХОТ: Санчо, ты не услышал меня!

САНЧО: Сеньор, я... у нас тут все поют... Я и не думал... Господи, это вы!

ДОН КИХОТ: Да, я Дон Кихот, но скажи мне, кто ты такой; ибо если ты мой оруженосец Санчо Панса, и если ты умер и твою душу не унесли дьяволы, а по милости божьей ты попал в чистилище, то наша святая мать-церковь имеет достаточно средств, чтобы извлечь тебя из мук, и я со своей стороны приму в этом деле участие.

САНЧО: Клянусь чем угодно, сеньор Дон Кихот Ламанчский, это я – ваш оруженосец Санчо Панса, и никогда за свою жизнь я не умирал.

ДОН КИХОТ: Нет, Санчо, ты умер, ты рожден был стать губернатором, а кем стал теперь? Посмотри на себя – во что ты одет?

САНЧО: Сеньор, не стоит ругать меня попусту. Посмотрите на себя сами – что вы здесь делаете? Разве удел рыцаря не великие приключения, в которых он совершает подвиги, слава о которых разносится по свету быстрее, чем лепестки одуванчика по полю?

ДОН КИХОТ: Как ты научился красиво говорить! Но, поверь мне, я пытался совершать подвиги; одним они не нужны, для других же я что-то сделать бессилён. Я несу свой крест и дальше, но в мире, пожалуй, я действительно – последний странствующий рыцарь, и я пришел сюда, чтобы поведать всем о благородстве, но и тут остался неслышанным – Ты меня не услышал! Сядь в свое кресло, Санчо, потому что у тебя плохо не только со слухом, но и со

зрением. Ты, как и все, не видишь вокруг себя чудовищ, а, не видя чудовищ, ты не замечаешь и преступлений, совершающихся вокруг на каждом шагу.

Появляется Самсон в виде рыцаря Белой Луны.

САМСОН: Я приехал к вам, Дон Кихот Ламанчский.

ДОН КИХОТ: Вот видишь, Санчо, теперь ты убедился, что странствующие рыцари существуют? Вот, кроме меня, второй стоит перед тобой. Ты видишь – огни плавают в его панцире и боевой отвагой горят его глаза, я вижу их в щели забрала! Что вам угодно?

САМСОН: Дон Кихот! Меня зовут рыцарем Белой Луны.

ДОН КИХОТ: Что же привело вас ко мне?

САМСОН: Я хочу бросить вам вызов, добрый рыцарь Дон Кихот. Вы уже простите, но я не могу смириться с тем, что вы оскорбляете мой светлый идеал, и образ моей любви. Поэтому мне, конечно, не хотелось вступать с вами в бой, учитывая мое уважение к вам и вашим подвигам, но сами понимаете, тут ничего не поделаешь.

ДОН КИХОТ: Я отвечу вам словами классика, что я жалею, если сказал что-нибудь надменное, но если деяниям и речам дает меру душа, то беру мою во свидетельницы, что я не сказал ничего дерзкого.

САМСОН: Этого классика звали Франческо Петрарка. И вот вам другая его цитата: «превозноси свою бабенку похвалами, сколько хочешь, – я ничего не стану возражать. Пусть она царица, святая или хотя бы даже богиня...»

ДОН КИХОТ: Если вы намекаете на прекраснейшую из смертных Дульсинею Тобосскую, то ваши полные презрения сомнения в моей любви оскорбляют и меня, и ее.

САМСОН: Я вам это говорю в лицо, вы же смели превозносить вашу Дульсинею, находясь вдали от моей Прекрасной Дамы, тем самым во много раз сильнее оскорбляя ее, чем я сейчас, быть может, оскорбил вас. Как там у Данте? «О, ты, стоящий за рекой священной! Так, слов своих мне в грудь направив меч, И без того уж слишком изощренной...»

ДОН КИХОТ: Позвольте, сеньор, вы сейчас все переворачиваете. Мне приходят на ум слова Овидия: «Кому рассказать, как тебя, чешуей заменив тебе кожу, В вид превратили другой палестинские – будто бы – воды».

САМСОН: О нет, сеньор Дон Кихот, вы сознательно шли на невротический конфликт; вы утверждали, что вы – последний странствующий рыцарь. Кем же тогда становлюсь я, если вы последний. Невольно вспоминаются строки Апулея: «Что же я скажу, какими красками опишу моих сотоварищей по стойлам? Что за старые мулы, что за разбитые клячи, пережевывавшие кучи мякины...»

САНЧО: Сеньор, я, к слову сказать, уже мало что понимающий, хотел бы избежать обоюдного рыцарского гнева...

ДОН КИХОТ: Санчо, займи позицию нейтрального зрителя и считай, что тебя этот разговор не касается. А вы продолжайте, рыцарь Белой Луны.

САМСОН: Я настаиваю на необходимости биться с вами и продолжу цитировать Апулея, обращая его слова к вам: «шеи, покрытые гнойными болячками, были раздуты, дряблые ноздри расширены от приступов кашля, а шкура покрыта застарелой коростой...»

ДОН КИХОТ: Довольно! Ваш вызов принят!

САМСОН: Я заставлю вас признать, что моя дама, как бы она ни называлась, прекраснее вашей Дульсинеи Тобосской. И если вы не признаете этого, то нам придется сражаться. Один из нас будет повержен и примет повеление победителя.

ДОН КИХОТ: Я готов, Санчо, раздели между нами солнце.

САМСОН: О нет, любезный рыцарь Дон Кихот. Позвольте мне, как изначально потерпевшей стороне, выбрать оружие для поединка.

ДОН КИХОТ: Не тяните же.

САМСОН: Вот мое оружие (*дает джойстик*).

Играют в компьютерную игру – поединок рыцарей наподобие «Мортал Комбат». Самсон побеждает. Одновременно с падением рыцаря, за которого играл Дон Кихот, на экране, падает и настоящий Дон Кихот на сцене. Санчо бросается к нему.

САНЧО: Помогите поднять его! Послать за доктором!

САМСОН: Отойдите все, у нас с ним свои счеты! Сдавайтесь, рыцарь Печального Образа, вы побеждены! Исполняйте условия поединка и признайте вторичность Дульсинеи Тобосской по сравнению с моей Дамой. Или же, повинувшись моему величию, клянитесь мне удалиться навсегда домой, подвигов более не совершать и никуда не выезжать.

Пауза. Дон Кихот приходит в себя и поднимается.

ДОН КИХОТ: Вы правы, сеньор Карраско. И я узнал вас. Я увидел ваши глаза, когда вы остервенело нажимали горящие клавиши и я говорю вам: «браво!» – я высоко оценил цитату из Апулея и все прочие ваши нормативные конфликты с легковерным героем, со мной то есть. Пойдем, Санчо, пойдем домой, мой сострадательный посредник... ваш поступок благороден, Самсон. Вы велели мне в чем-то поклясться? Так вот, я клянусь! Ваша дама не выдумана и живет на свете, и уже поэтому она лучше моей. Но все-таки, любитель использовать архетипы в процессе написания сценария человеческой жизни, все-таки подумайте над закадровым текстом и к вашей жизни! Пойдем, Санчо.

XXIII. СЧАСТЛИВЫ ВМЕСТЕ.

АНТОНИЯ: Ну вот видите, Самсон, ну вот вы и все, что нужно, сделали... Вот теперь я ваша... Как вы и хотели, Самсон... Вы такой находчивый, Самсон, должна я вам сказать... У вас такой светлый ум и храброе сердце... (*целует Самсона; тот не реагирует*). Ваш поступок благороден, бакалавр, это делает вам честь.

САМСОН: Но все же, дорогая Антония, я не могу не пожалеть о том, что похождения Дон Кихота прекратились. Они были забавны, и он и его оруженосец развлекали людей.

АНТОНИЯ: Не будем жалеть об этом, дорогой Самсон. Разве мало иных развлечений на свете? Танцы при свете факелов, праздник пива и вина, центральные городские ярмарки, добыча золота и украшений, фабрика колесниц... У знатных людей нет во всем этом недостатка, и нужно ли для развлечения рядить в шуты, увеличивая число шутов природных, человека, который этого совершенно не заслуживает.

САМСОН: А вы, Антония, вы заслуживаете называться Прекрасной Дамой?.. Хотите, чтобы я воспевал вашу красоту в своих любовных балладах?

АНТОНИЯ: На что это мне, Самсон? Ваши объятия помогли бы мне больше ваших песен. Что поделаться, Самсон? Никто не имеет право отделять дух от материи.

САМСОН: Хорошо, Антония, будемте жить, и пусть эта жизнь заполнит эти пустые латы, а любовь пусть наполняет наши сердца. И даст Бог, слава рыцарства не выведет меня больше из равновесия. Я люблю вас, Антония, вместе с отсутствующей в вас поэзией и присутствующей тягой ко всему земному. Как говорил один поэт уже после своих стихов к Прекрасной Даме, – узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звоном щита!

АНТОНИЯ: Ах, Бога ради, перестаньте уже цитировать все подряд. Остановитесь. Дон Кихота больше нет. И рыцаря Белой Луны, стало быть, тоже. Пора, Самсон! Пора и вам на некоторое время стать простым и глупым. Как и все мы! Давайте танцевать! (*танцуют*)

Входят Просперо и Франциска.

ПРОСПЕРО: Сеньор бакалавр, мы выполнили ваше задание. Слушайте, что мы нашли.

ФРАНЦИСКА: Чем дольше живешь, тем больше портятся нервы – Эрих Мария Ремарк.

ПРОСПЕРО: Твой злейший враг – твоя нервная система – Джордж Оруэлл.

ФРАНЦИСКА: Действие – это не жизнь, а раздражение нервов – Артюр Рембо.

ПРОСПЕРО: Положительные люди действуют на нервы, плохие – на воображение – Оскар Уайльд.

ФРАНЦИСКА: Сколь многие думают, что у них доброе сердце, тогда как это всего лишь слабые нервы – Бернар Шю.

ПРОСПЕРО: Невроз – это неспособность переносить неопределенность – Зигмунд Фрейд.

ФРАНЦИСКА: Как все нервны – Антон Чехов.

ПРОСПЕРО: Сеньор Самсон. У нас все закончилось. Вам зачем эти анархизмы нужны-то?

ФРАНЦИСКА: Дорогой, ты хотел сказать афоризмы.

ПРОСПЕРО: Ну да, ну да. Зачем они вам? *(Самсон не отвечает. Они продолжают танцевать с Антонией.)* Ну, если что, обращайтесь. Мы пошли тогда.

ФРАНЦИСКА: Дорогой, смотри, сеньор Самсон танцует. А мы с тобой последний раз на рождество в том году, и то – после того, как ты напился, как свинья. Давай, иди сюда, потанцуем что ли. *(Танцуют.)*

АНТОНИЯ: Сеньора Франциска, приходите к нам на свадьбу, 12-го.

ФРАНЦИСКА: Ой, дорогая моя, я вас поздравляю! Скажите жениху, чтобы платье без длинного шлейфа выбирал, а то вам будет неудобно.

АНТОНИЯ: О да, дорогая Франциска, ни в коем случае, и худеть специально не буду, а то мой решит, что я должна всегда так выглядеть, и будет мне пенять потом.

ФРАНЦИСКА: Мой так и делает до сих пор, хотя сам уже раздулся как пузырь и ходит с зеркальной болезнью.

АНТОНИЯ: Потом я подумала, что алкоголя много не надо. Бутылку коньяка Пересу и Николасу, конечно, а всем остальным хватит 10 бутылок вина и 2 бутылки водки.

ФРАНЦИСКА: А в путешествие ты уже решила, куда поедете?

АНТОНИЯ: Мой хочет на север, но я думаю лучше в Португалию – и ближе, и дешевле. На север в свои фламандские просторы по музеям ходить, пусть сам потом едет. К тому же, я не хочу откладывать надолго рождение детей, а этому тоже юг способствует больше.

ФРАНЦИСКА: Молодец, это правильно! Я еще тебе рекомендую сразу оформить прописку в одном месте – лучше у него.

АНТОНИЯ: Это само собой. Но знаешь, я беспокоюсь, что у него появится любовница года через 2 совместной жизни.

ФРАНЦИСКА: Не беспокойся, я тебя научу, что делать. *(Продолжают танцевать, еще о чем-то говоря. Свет медленно гаснет.)*

XXIV. ЗАКАТ.

ДОН КИХОТ: Здесь была Троя! Здесь моя недоля, а не моя трусость, похитила забытую мою славу, здесь Фортуна показала мне, сколь она изменчива, здесь закатилась моя счастливая звезда и больше никогда уже более не воссияет.

САНЧО: Человеку мужественному, сеньор, столь же подобает быть терпеливым в бедствии, как и радостным в счастье; я сужу об этом по себе. И пусть вы более не рыцарь, и я уже не губернатор – но я слышал, что особа, называемая Фортуной, баба хмельная и взбалмошная, да притом еще слепая, так что она и сама не видит, что делает, и не знает, кого унижает она и кого возвышает. Вот мы и дома, сеньор. Узнаю тебя, мое дорогое отечество. Родина моя, ты, как и слепая Фортуна, такая же баба хмельная и взбалмошная.

ДОН КИХОТ: Ты большой философ, Санчо! Не знаю кто научил тебя этому? Только заметь, что, когда я привожу пословицы, они очень подходят к тому, что я сказал, как перстень к пальцу, а ты их притягиваешь за волосы. Ну да ладно.

САНЧО: Вы меня простите, я понимаю, у вас сейчас меланхолия или, возможно даже, депрессия, но уж больно вы ко мне несправедливы, можно даже сказать, равнодушны. А, в то же время, сеньор, если бы в свое время, ну то есть в начале нашего с вами общения, я был бы столь равнодушен к вам, то никакого общения бы и не получилось вовсе.

ДОН КИХОТ: Ты думаешь?

САНЧО: И потом, этот ваш хмурый вид – на что это похоже? Вы же всю жизнь как-то сопротивлялись, говорили, что еще не все потеряно, снова рвались в бой...

ДОН КИХОТ: Нет, Санчо, ничто в этом мире не вечно... Ведь все, от самого своего начала, клонится к закату, в особенности человеческая жизнь.

САНЧО: Нет, все-таки я чувствую, что вы ко мне совсем равнодушны. Наши отношения, чего уже греха таить, стали давать трещину... Прошли через критическую точку...

ДОН КИХОТ: И вот он, мой закат, приближается. Мне страшно, что я встречаю его пустой, совершенно, эту пустоту не наполнить ни книгами, ни приключениями.

САНЧО: И вообще... уже давно... я спрашиваю себя... А кем бы вы стали без меня? Были бы сейчас просто мешком с костями, можете не сомневаться. С другой стороны, теперь уже поздно отчаиваться, раньше нужно было думать.

ДОН КИХОТ: Чего ты ухмыляешься?

САНЧО: Это вы ухмыляетесь... И вообще, что это вы ухмыляетесь? Я и так чувствую, что как-то к вам охлаждаваю, а вы еще ухмыляетесь! Где прежний рыцарь? Где печальный образ? Неужели это все из-за Белой Луны, которая, как будто так и следует за нами.

ДОН КИХОТ: Тебе не померещилось, Санчо, это так и было. Однажды во время Троянской войны к Пандару подошел Лаодок и указал на удобный момент поразить стрелой Менелая, который в эту минуту был совсем беззащитным. Пандар подумал «Оправдывает ли подлость благая цель? Допустимо ли предать ради окончания войны, ради того, чтобы стать героем?» Его влекла слава, и желание изменить историю одним метким выстрелом. И он выстрелил... А истории не изменил.

САНЧО: Чем больше вы говорите, сеньор, тем меньше я вас понимаю...

ДОН КИХОТ: А я говорю, что никакая он ни Белая Луна, и не рыцарь, и никогда он им не был, и тем не менее он герой, которого мы с тобой и не встречали, и которыми мы с тобою не стали. Пойдем дальше, Санчо.

САНЧО: Нет, сеньор. Холодно с вами. Я домой пойду.

Пусть вам странен облик мой печальный.

В час сраженья, в решающий час.

Я безумец? О нет! Я нормальной,

О сеньоры, любого из вас.

ДУЛЬСИНЕЯ (входит): Я хочу, чтобы вы усомнились,

В правде вами затверженных фраз,

Я хочу, чтобы вы возмутились

Хоть на час, хоть на миг, хоть на раз

XXV. ДОНКИХОТСТВО ДОН ЖУАНА.

ДОН КИХОТ: Альдонса, вы ведь никогда не были Дульсинеей. Это же я вас так назвал, но, разумеется, в бреду. Я цитировал вам Платона и Петрарку, будто верил, что вы принцесса, а я – рыцарь. Вы – Прекрасная Дама, а я – Поэт. Вы – сверхзадача, а я – сверхчеловек.

ДУЛЬСИНЕЯ: Мне жаль вас, сеньор Алонсо. Но и себя жаль тоже. Вы внушили мне надежду, и я начала верить, что и вправду рыцари существуют и сегодня. На стене было что-то

неразборчиво нацарапано, я никогда не обращала на это внимание. А тут мне вдруг показалось... Да что я говорю, сеньор, вы ведь и вправду злодей, интриган.

ДОН КИХОТ: Нет-нет, Дульсинея, если вы поверили, значит вы все-таки могли бы быть принцессой. Мир есть то, во что мы верим. Стоит эту веру потерять, как я сейчас потерял свою, так мир превращается в хаос, и путь в нем нужно прокладывать заново...

ДУЛЬСИНЕЯ: Да, это называется деконструкция. В постмодернизме нужно воспринимать парадигмы прошлого как гипертекст, и продираться к смыслу сквозь череду симулякров.

ДОН КИХОТ: Альдонса, ведь и вы тоже читаете книги. Пусть и другие книги.

ДУЛЬСИНЕЯ: Да, сеньор, но вы... Вы меня увлекли тем, чего в книгах нет. Ведь даже ни в одной детской сказке не найти взрослого, обаятельного, умного интригана, который запорошил разум простой девушке, который погубил ее, как чайку... Нет, не то... Который пробился через водопад между нею и миром. А что же дальше? А дальше она расцвела! Да! Она начала писать стихи, наряжаться, накручивать кудри, румянить щеки! И это все из-за вас! Для чего вы заставили меня каждое утро вставать на тумбу, смотреться в зеркало, не побоюсь этого слова, мечтать! О вас, ну и о себе немного, конечно! Вы мне приоткрыли мир... Мир идей, которым я, как Леди Макбет, размножила череп – ну, если так можно сказать. А вы... Вы оказались обычный Дон Жуан!

ДОН КИХОТ: Я Дон Кихот!

ДУЛЬСИНЕЯ: Дон Жуан вы... Ведь всякий знает, что любовь есть некоторая страсть, известно также, что страсть к прекрасному свойственна и нелюбящему. И чем же отличить любящего от нелюбящего? В каждом из нас господствуют две идеи – врожденная страсть к удовольствиям и приобретенное мнение, влекущее к наилучшему. Если перевешивает мнение – это мы называем рассудительностью, если страсть к удовольствиям – необузданностью. И заметьте, сеньор Алонсо! *(пауза)* Это не я, а Платон!

ДОН КИХОТ: Но он не учел одной вещи, что что любовь может быть и худшей из душевных страстей, и благороднейшим деянием. Ежели я горю страстью к мерзкой и развратной женщине, то моя страсть есть верх безумия... А если же меня очаровал редкий образец добродетели и я стремлюсь любить его и обожать? Первая любовь – тяжелое и пагубное бремя для души, вторая же – величайшее счастье! *(Дульсинея бросается к нему в объятия. Он отстраняет ее, ставит табуретку, встает на нее; они целуются.)* Кстати, это тоже не я сказал.

ДУЛЬСИНЕЯ: А кто?

ДОН КИХОТ: Петрарка!

ДУЛЬСИНЕЯ (после паузы, раздраженно): Дон Жуан!

ДОН КИХОТ: Дон Кихот! Однако, Альдонса, это был первый и единственный раз, когда я позволил себе лишнее. Теперь мне пора. Дульсинеи на свете нет, а вместе с ней нет и Дон Кихота. Дон Жуанов-то наоборот, хватает, в них тебе недостатка не будет. Ступай.

XXVI. МАЛЕНЬКИЕ СТАРУШКИ.

НИКОЛАС: Представьте себе, что мы молоды и прекрасны, не пьем валериановых капель, и не ищем подходящих воспоминаний, что и мы с вами вечерами оживленно спорим о книгах вместо того, чтобы разгадывать кроссворды и мерить давление! Представили?

ПЕРЕС (закрывает глаза): Я представил. Я обожаю произведения Рэя Брэдбери.

КЛЮЧНИЦА: А можно я представлю, что я влюблена не в литературу, а в живопись? Я обожала картины Дега... Поскольку я любила не только живопись, но и музыку...

НИКОЛАС: Можно, дорогая ключница, вам все можно.

ПЕРЕС: Если вы будете пререкаться, я могу уснуть.

НИКОЛАС: Очень хорошо, сеньор лецинциат, читайте мысленно Брэдбери; вы, сеньора ключница, мысленно танцуйте под музыку Дебюсси на картине Дега, а я представлю себя, пожалуй, Шарлем Бодлером, и вот мы уже сидим с вами в веках и что же мы слышим?

Звучит музыка Дебюсси. Ключница пританцовывает.

ПЕРЕС: Марго стояла в стороне от них, от всех этих ребят, которые только и знали, что вечный дождь, дождь, дождь... Им всем было по 9 лет.

НИКОЛАС: Qu'est-ce que l'art pur selon le concept moderne? Cela signifie pour creer suggestive certaines pensees magique! (*Перес и Ключница останавливаются. Музыка замолкает.*)

КЛЮЧНИЦА: Что вы сказали, маэсе Николас.

НИКОЛАС: Вы же французская балерина, если вы с картины Дега, – вы должны были понять, что я от лица Бодлера сказал о том, что чистое искусство согласно современной концепции – это творить наводящую на определенные мысли магию.

ПЕРЕС: Кажется, у нас появился еще один безумец.

КЛЮЧНИЦА: Это не он сам. Его сделали безумным слова Бодлера.

НИКОЛАС (смеясь): Не бойтесь, я не стану вторым Дон Кихотом, потому что «Дело вкуса, конечно, но я недоволен. Мне в испанских просторах мечталось иное...»

ПЕРЕС: Я один, Санчо Панса хронически болен. Слава грустной собакой плетется за мною.

КЛЮЧНИЦА: Мальчики, вам не кажется, что вы слишком много умничаете для своего возраста. Вам пора ложиться спать, а то, это самое, давление повысится.

НИКОЛАС: А мне кажется, что мы слишком глупы, если не для своего возраста, то для своей жизни. Как будто взяли ее напрокат, и не могли позволить себе верить в рыцарей и вести бой с гигантами.

ПЕРЕС: Ну и что же, если вам, положим, нужна сказка, маэсе Николас! Вот вам и прекрасная дама, далеко ходить не надо, слава Богу...

КЛЮЧНИЦА: Да, и в привлекательности этой даме не отказать, чего уж тут греха таить...

ПЕРЕС: А я, если хотите, буду для вас злым волшебником, можете со мной сражаться... но только в шахматы.

НИКОЛАС: Друзья, не в сказках дело, и не для того я затеял это представление. Просто, как сказать, жизнь полна медленных чудес, и наш сеньор Кихано их замечал, а мы...

КЛЮЧНИЦА: Но кто-то же должен замечать и все остальное!

ПЕРЕС: А я согласен со всеми, лишь бы не ссориться.

НИКОЛАС: Тогда продолжим нашу медитацию. Сеньора Ключница, запускайте Дебюсси, а я продолжу Бодлера – «Маленькие старушки» – это про нас с вами:

Стыдась самих себя, вы бродите вдоль стен,
Пугливы, скорчены, бледны, как привиденья,
Еще при жизни – прах, полуостывший тлен,
Давно созревший уж для вечного нетленья!
Но я, мечтатель, - я, привыкший каждый ваш
Неверный шаг следить тревожными очами,
Неведомый вам друг и добровольный страж,-
Я, как отец детьми, тайком люблюсь вами...
Я вижу вновь рассвет погибших ваших дней,
Неопытных страстей неясные волненья;
Чрез вашу чистоту сам становлюсь светлей,
Прощаю и люблю все ваши заблужденья!

XXVII. ПЕРСОНАЖ И ЧИТАТЕЛЬ.

QUIJOTE: Ну вот мы с вами и встретились, сеньор Дон Кихот.

ДОН КИХОТ: И зачем же вы меня так называете, доктор?

QUIJOTE: А потому что я тоже Дон Кихот, или тот человек, который всю жизнь мечтал стать им, но не стал.

ДОН КИХОТ: Чтобы не угодить сюда, как я.

QUIJOTE: И тем не менее, угодил, и именно затем, чтобы разрушать мифы таких людей, как вы!

ДОН КИХОТ: И вы разрушили мой миф, поздравляю.

QUIJOTE: И я вас поздравляю. Видимо, мы с вами больше не встретимся. Если только вы не вообразите себя Гамлетом, Наполеоном, Доктором Джекилом и одновременно – Мистером Хайдом.

ДОН КИХОТ: Не беспокойтесь, я себя сдержу.

QUIJOTE: А я вас не стану ни предостерегать, ни подталкивать, это вы и только вы увидели в мельницах гигантов, это вы сделали из постовой медсестры Дульсинею, а из нашего пациента, до той поры воображавшего себя Петром I, вы сделали оруженосца Санчо Панса. Вы даже таким образом осуществили некую терапию.

ДОН КИХОТ: О нет, я не осуществлял терапии, я делился с ним мечтами, путешествовал, вступал в поединки, поучал, пересказывал книги...

QUIJOTE: И уже этим пересказом превратили его в читателя. Как и меня, впрочем. Para mi sola pasio don Quijote, у yo para e'l; e'l supo obrar у yo escribir... Видите, я умею читать по-испански. Это значит: для меня одного родился Дон Кихот, как и я – для него; ему дано действовать, а мне описывать. И выводя в амбулаторной карте anamnes morbi, я, расшифровывая ваши слова и поступки, точно также пишу этот роман о Дон Кихоте, как и вы. Санчо Панса написал бы свою историю, и, как знать, может быть, еще напишет. А у меня ваше сумасшествие приняло вид слов на латыни, столь вами любимой.

ДОН КИХОТ: Благодарю вас, и прошу прощения, что обременял и вас, и постовую медсестру, и всех остальных, но что же теперь делать?

QUIJOTE: Жить! Поверьте, в этом уже немало подвига.

ДОН КИХОТ: Но и немного рыцарства.

QUIJOTE: Возможно. Но, впрочем, мы же живем в безнадежно жалкий век! Всем и на все наплевать. А стоит какому-нибудь одиночке попытаться поднять тот или иной вопрос, обратить внимание на ту или иную проблему, это будет сразу же приписано корыстному интересу или желанию прославиться. Если бы наш доблестный рыцарь Дон Кихот воскрес и вернулся бы в современную Испанию, там тут же принялись бы выискивать, какими задними мыслями внушены его благородные сумасбродства.

ДОН КИХОТ: И что?

QUIJOTE: И все... Какое же должно быть слово, чтобы кто-нибудь, хотя бы кто-нибудь поверил... Чтобы злодеи оставались злодеями, а не махали крыльями в виде мельниц. Чтобы Дульсинея все-таки была принцессой, а не мыла полы в коридоре. Осталось ли что-нибудь, хотя бы что-нибудь, что готово преображаться? Деньги деноминируются, власть избирается, любовь проходит, люди умирают, а еще: глобальное потепление, информационное общество, постмодернизм, постпостмодернизм, болезнь Баумоля, пирамида Маслоу, масло бутерброда, упавшего на пол, кризис идентичности, плюрализм мнений, тезаурусный подход, прости Господи... Разве что-то при этом изменилось по существу? Гиганты ходят по улице, носят свои пиджаки, гиганты в общественном транспорте, в парках культуры и отдыха, на рабочем месте... В городской инфраструктуре и в домашней тиши. Что им ваши слова? Да и что вам-то самому ваши слова? Что вами придумано? Мечта о форме в дни, когда царствует мысль? Мечта о мечте, об исполняемости мечты, и тогда у любого человека, а не только у вас – в жизни может появиться мечта... Даже слова диссонируют сами, без всякой интонации, чувствуете? Чувствовать и слышать, кстати, в испанском языке звучит одинаково. А вообще, хватит мечтать! Ваши мечты они кому-нибудь помогают? В конце концов, вам они помогли?

ДОН КИХОТ: Не знаю... Но, по крайней мере, они помогли вам...

QUIJOTE: Ну разве что в этом одном вы, кажется, правы. Для меня одного родился рыцарь Дон Кихот, как и я – для него. Вдвоем с ним мы составляем одно целое, вопреки и назло лживому Сочинителю сегодняшнего дня. Да-да, сеньоры, если случится вам с ним, с этим сочинителем встретиться, посоветуйте ему, чтобы он оставил поживать в гробу усталые и уже давно истлевшие кости Дон Кихота и не пытался, вопреки всем законам смерти, извлекать его из могилы, в которой он, самым окончательным и непреложным образом, лежит, вытянувшись во весь свой рост, неспособный уже совершить свое новое путешествие и новый подвиг. Чтобы осмеять бесчисленные скитания бесчисленных рыцарей, вполне достаточно того, что было. Вот так и скажите лживому сочинителю сегодняшнего дня, если вы его встретите; и эти вы исполните свой долг, подав благой совет желающему вам зла... А я... Я буду счастлив и горд, что первый в полной мере, как этого желал, наслаждался плодами мечтаний... Рыцаря Печального Образа.

Пьеса «Тихий Дон Кихот» написана в 2015 году.

Об авторе:

Сергей Владимирович Аронин (родился 11 августа 1986 г.) – театральный режиссер, актер, художественный руководитель «Самого Доброго Театра» (2012-2014 гг.). Закончил режиссерский факультет ГИТИСа (2012 г., мастерская Е. Каменьковича и Д. Крымова) и аспирантуру МосГУ (кафедра культурологии), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата культурологии (Тема: «Жанровые искания современного театра как проявление культурных доминант рубежа XX-XXI веков»), доцент Гуманитарного Института Телевидения и Радиовещания им. М.А. Литовчина.

Поставил и сыграл в спектаклях:

«Циники» по А. Мариенгофу и «Эстеты» по Я. Реза и А. Битову в Театре им. Моссовета; «Хармс втроем» по Д. Хармсу в Театре им. М. Булгакова; «Из пустоты (8 поэтов)» в Театре им. М.Н. Ермоловой; «Поэтому» С. Денисовой, «Байронофилы» А. Амелиной, «Windows. School Edition» А. Демахина, «Шекспир. Призраки и ведьмы» по У. Шекспиру, и др. в «Самом Добром Театре»; «Событие» В. Набокова в Калужском Театре Драмы; радиоспектакли по главам из романа «Русские ночи» на Радио России.

Участвовал в лаборатории «Любимовка», проектах «Мастерская на Беговой №9 – Акутализация классики», «Театральный Альманах в Ермоловском». В настоящее время играет в собственных спектаклях «Эстеты» в Театре им. Моссовета и «Хармс втроем» в Театре им. М. Булгакова; а также в качестве актера и режиссера работает над спектаклем «Шавасана» по пьесе Саши Денисовой для постановки в Центре им. Вс. Мейерхольда.

Телефон 8-926-248-37-91

Почта: aroninser@gmail.com